

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР АВРАМЕНКО

ИМПЕРИЯ. ТЕВТОН

Александр Авраменко
Тевтон
Серия «Империя», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3139205
Империя. Тевтон: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1095-8

Аннотация

Мир магии и высоких технологий. Колдовство и звездолеты. Бластеры и волшебство. Разные миры. Разные расы. Эльфы идут в атаку. Кто противостоит им? Рыцари. Члены Тевтонского Ордена. Да-да. Потомки тех, кто утонул в 1242 году на Чудском озере. Курт фон Вальдхайм, самый сильный колдун не только среди тевтонов, но и вообще в обитаемых мирах. Суровый воин, но знающий, когда должен проявить милосердие. Беспощадный к врагу, но заботливый к тем, кто в его подчинении. Гроссмейстер государства. О его юности и становлении эта книга.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Авраменко

Тевтон

*Это – устав Братьев, служащих Германскому Братству Святой
Мариин во славу всемогущей Троицы.*

Первая фраза устава

Ордена Тевтонских рыцарей. 1238 год

Пролог

...Треск льда под копытами своей лошади Зигфрид услышал сразу. А потом – ощутил. Боевой жеребец качнулся, заваливаясь на бок, забил копытами, от которых отлетали комья налипшего на бабки снега. А дальше – ожог ледяной воды, и жуткая, непреодолимая сила, которая, схватив рыцаря огненными руками, потащила куда-то внутрь зеленовато-черной хмари бездонной глубины озера. Теперь-то воин понял, почему князь русских варваров Александр, по прозвищу Невский, выбрал подтаявший на апрельском солнце лед местом решающей битвы. Тысячи людей и коней, тяжесть доспехов, по которой тевтоны превосходили еретиков... Все это давило на поверхность замерзшей воды с такой силой, что корка истончившегося льда лопнула, и теперь ничто не мешало более легко вооруженным русским спокойно дожидаться, пока рыцари и кнехты перетонут один за другим. Поскольку спасти вторгшихся в их пределы чужеземцев хольмгардцы, естественно, не собирались. Более того, рыцарь еще успел увидеть, как откуда-то со стороны к нему приближается острое рогатины. Пытаясь избежать удара, он рефлекторно вскинул меч, и в этот момент вторая рука в латной перчатке скользнула по поверхности льдины. А в следующий миг в легкие хлынула вода, и, камнем идя к далекому неведомому дну, Зигфрид все пытался набрать в грудь живительного воздуха, но – тщетно. А потом его сознание померкло.

«Конец. Да смилуется Пречистая Дева над грешником!...» Это была последняя мысль...

Крестоносец пришел в себя от легких ударов по щекам. Он жив? Жив?! Открыл глаза – над ним склонился кто-то из кнехтов. Увидев, что рыцарь очнулся, заорал обрадованно куда-то в сторону:

– Господин фон Валленберг, еще один живой!

Знакомый густой бас графа Зигфрид узнал сразу.

– Хвала Господу нашему и непорочной Деве Марии! Брат Зигфрид, как вы?

В голосе графа слышалась неподдельная тревога, а в следующий момент в поле зрения лежащего на спине воина появилось лицо, словно вырубленное из дуба. Шлем крестоносец снял, а может, потерял. Только кольчужный хауберг прикрывал голову.

– Меня... спасли? Мы в плену?

И тут же понял, что сморозил глупость. По мере того как сознание возвращалось, он ощутил, как накалились под солнцем доспехи, в уши ворвалось щебетание птиц. Только вот голоса какие-то незнакомые. Впрочем, кроме ворон, Зигфрид никого не слышал в славянских землях. Приподнялся на локте, с трудом поворачивая голову, посмотрел по сторонам. Да что же это?! Высокие деревья с густой зеленью, кустарник... Он готов был поклясться, что только что была ранняя весна и все вокруг покрыто снегом в этой промерзшей насквозь Гардарике. А тут...

– Брат Зигфрид, если ты пришел в себя – поднимайся. Не время сейчас разлеживаться. Многим из нас нужна помощь. Пища, в конце концов. И надо понять, где мы. Но самое главное – как мы тут очутились?

Возникла закованная в броню рука, и рыцарь, ухватившись за нее, смог наконец подняться при помощи ухаживавшего за ним кнехта, во время разговора стоявшего безмолвным столбом. С высоты роста стало видно гораздо больше. Лежащие на земле, на грудах наспех наломанных веток, Братья и кнехты. Уныло бродящие между распростертыми на земле телами кони и люди. И все – подавлены произошедшим с ними чудом. Прислушавшись, Зигфрид уловил жаркий спор совсем неподалеку:

– Это – кара Господня!..

– Нет, это – благословение Господа!..

– Кара!..

– Благословение!..

Отбросив в сторону сомнения, рыцарь опустился на колено перед графом.

– Я, Зигфрид фон Вальдхайм, приношу тебе, Карл фон Валленберг, вассальную клятву.

Прошу тебя, распоряжайся мной!

Тот вздрогнул от неожиданности, затем выпрямился и ответил:

– Принимаю. Брат мой!..

Глава 1

– Я, Курт фон Вальдхайм, приношу обет и обещаю блюсти невинность, отказаться от собственности, быть послушным Богу и благой Деве Марии и тебе, Брат Конрад фон Зикинген, магистру Тевтонского Ордена, и твоим преемникам, согласно уставу и статутам Ордена, и буду послушен тебе и твоим преемникам до самой смерти...

Юноша наконец смог перевести дух – хвала Господу и Святым Сподвижникам, он смог произнести клятву без запинки. Опустил непокрытую голову еще ниже, уставившись на квадратные носки надраенных до сизого блеска сапог и придерживая древко с родовым знаменем. Легкое касание ритуального меча (по легендам, еще с той, древней Земли) по плечу сшитым эполетом. Затем негромкий, хрипловатый голос командира учебной комтурии, старшего заслуженного вояки, принимающего клятву от имени Гроссмейстера Ордена:

– Служи верно. Служи честно. Служи достойно.

Так, теперь выпрямиться, щелкнуть, как положено по уставу, каблуками, вновь склонить голову, левую руку положить на рукоятку кортика, правой – выпрямить знак Рода, доселе почтительно склоненный перед старшими, расставить ноги на ширину двух подошв. Готово! Теперь он не кандидат, не призывник. Первый офицерский чин – фанен-юнкер! Молодой человек с гордостью взглянул прямо в иссеченное морщинами лицо Брата Ордена и едва смог подавить удивление, поймав в ответ едва заметное подмигивание...

Георг фон Ризенплатц сделал ровно два шага в сторону – его ждал очередной выпускник Академии. Снова ритуальная клятва. Привычный легкий удар мечом по плечу. Этот обряд сохранился еще со времен Исхода, ему больше тысячи лет. Впрочем, не дело начальника военной школы задумываться над подобными вещами. Задача командира – обучить подчиненных так, чтобы их вернулось из победоносного боя как можно больше...

Последний. Хвала Господу нашему! Брат-управляющий повернулся вдоль строя, осененного белым знаменем с черным прямым крестом, затем не спеша прошел к возвышению и, поднявшись на него, сделал знак герольду. Сегодня почетную должность занимал заместитель начальника Академии. Тот поднес большой, настоящий рог к губам, и над выложенным базальтовыми плитами плацем раздался высокий сильный звук сигнала, призывающего к вниманию. Пусть все знали, что его издают машины, никто не улыбнулся. Наоборот, все словно окаменели, поскольку именно сейчас будет решаться судьба каждого выпускника.

Короткая команда. Шеренга повернулась направо. Первый слитный удар сапог по каменному покрытию ристалища прозвучал словно выстрел. Впереди стоял стол, покрытый алой скатертью. За ним – двое: Брат-инквизитор из Гроссбурга и сам Брат-управляющий. Каждый из принявших присягу курсантов подходил к столу, где ему вручали плотный конверт, определяющий дальнейшую судьбу выпускника.

Курт оказался чуть ли не самым последним, поэтому долго нервничать ему не пришлось, в отличие от других, особенно тех, кто был первым. Поскольку вскрывать пакеты разрешалось только после особого распоряжения. Вновь – короткая злая команда. Четкий парадный шаг. Ноги впечатывали подошвы с такой силой, будто пытались разбить толстые каменные плиты.

Брат взглянул на юношу, потянулся к очередному предписанию, но в этот момент произошло непредвиденное. Инквизитор одной рукой остановил руку управляющего Академией, а другой вытащил откуда-то из складок ритуальной мантии точно такой же пакет и лично вручил его фанен-юнкеру. В чем дело?! Но тело действовало, казалось, само. Четкий поворот, взмах родовым стягом, семь (счастливое число!) четких шагов. Подбежавший кнехт, из младших учеников, ловко подхватил древко, освобождая руки. Курт застыл,

сжигаемый пламенем нетерпения. Спихнулся, услышав новую команду. Застыл по стойке «смирно».

Снова сигнал герольда, и... в воздух взмывают синие береты! На сутки все новоиспеченные офицеры свободны. Они могут навестить семьи, просто отправиться развлекаться, и никакая Святая Инквизиция им ничего не сделает. Это – закон. Сутки, предоставленные выпускникам законом и уставом. Хох!!!

Курт выхватил полученный пакет, пальцы рванули узел печати, глаза мгновенно пробежали угловатые буквы, и юноша ахнул про себя – за что же его так?! Легкий люгер «Фон Валленберг»! Почти все попали на трабакколо и каравеллы, тяжелые каракки, а он... Позор. Всего лишь люгер! Крохотный кораблик с экипажем в двадцать человек. Курта словно ударили дубиной шрехта по затылку...

Скоростной состав нес новоиспеченного офицера через Новую Ливонию. Остались позади суровые, строгие башни Цитадели Карла фон Валленштейна, первого Гроссмейстера Ордена после Дня Божьего Суда. Древние камни видели многое, хорошее и плохое. Кровь казненных туземцев и изменников Делу Господню, и радость побед Братьев. Первые успехи и поражения. Словом, то, что кое-кто хотел бы навсегда вычеркнуть из памяти людей, живущих на Тевтонии...

Курт вздохнул: похоже, он чем-то прогневил Святую Инквизицию. Правда, скорее всего, ничего серьезного, иначе бы его пепел уже давно был развеян на Поле Еретики, где совершаются казни над отступниками. Так, мелочь, о которой сам грешник и не подозревает, но которая оставила несмываемую метку на его дальнейшей жизни и перечеркнула всю карьеру молодого человека.

Еще раз вздохнув, юноша уставился в узкое окно, прорезанное в стене купе, рассматривая придорожный пейзаж. За толстым стеклом мелькали дома, усадьбы. Четкие квадраты тщательно возделанных полей, садов и огородов. На скорости в двести лиг¹ в час много не рассмотришь. Так, общие очертания. Но иногда можно было заметить сгорбленные фигурки шрехтов-крепостных на сельскохозяйственных угодьях или дымящие громадными конденсаторами литиевых реакторов трубы мануфактур, на которых производилось все необходимое для жизни людей. Густая зелень лесов, чуть сизоватая – травы сливались в сплошной фон. Помедлив, Курт нажал пуговку вызова прислуги. Где-то внутри вагона вспыхнула лампочка вызова, и буквально через минуту перед фанен-юнкером склонилась фигурка девушки из шрехтов в положенном к ношению колпаке.

– Что желает господин?

– Кубок воды Грайнвельда и закусить.

– Окорок, ветчина, дичь?..

Парень на мгновение задумался:

– Окорок. Быстро!

Женская фигурка исчезла в проходе, чтобы спустя некоторое время появиться с подносом, на котором красовались тарелка с мелко нарезанным, розовым до прозрачности мясом тука и небольшим бокалом с горячительным. Отпущенница в поклоне перед свободным гражданином поставила принесенную еду на столик, сделала шаг назад и, не выпрямляясь, произнесла:

– Я могу идти, господин?

Курт сделал нетерпеливый жест, и когда туземка убежала, чинно и неторопливо принялся за шнапс и закуску. До военной базы было почти десять часов пути. Домой ехать не захотелось – узнав о назначении сына, отец бы вспыл, и дело закончилось бы скандалом.

¹ Лига – 1002 метра.

Зачем же портить последние часы свободы? Лучше он проведет их прямо в Валенвильде, где располагается космопорт номер двадцать четыре, к которому приписан его будущий люгер. Тьфу!.. Прости, Господи!

Юноша торопливо перекрестился и трижды сплюнул через левое плечо. Хвала Деве Марии, что он – военный и едет в первом классе! Увидел бы его кто – Курт простой епитимьей не отделался бы. Минимум – пять ударов кнутом. Подумать только – плевать на пол! Позор! Нет, не зря говорил наставник по рукопашному бою: «Сдерживайте свои эмоции!..» Нужно срочно успокоиться.

Бесконечный массив Шварцвальдского леса помог прийти в себя. Самокопанием заниматься не было ни малейшего желания. Помедлив, юноша полез в сумку и, покопавшись в скромных пожитках, вытащил увесистую книгу. Вроде бы и читана-перечитана, но все равно каждый раз он находил что-то новое для себя: «Житие и достославные деяния Братьев Ордена»...

Полузабытая, легендарная Родина Предков, в которую уже никто из ныне живущих не верил. Тяжелые первые годы, когда охваченные смятением Братья больше молились, чем занимались делом. Тогда Орден едва не погиб, если бы не... чудо. Чудо, ниспосланное непорочной Девой Марией верным и храбрым! Когда одна из охотничьих партий нашла то, чему нет описания и слов в языке людей. В те времена его называли Ковчегом... Огромное железное чудовище, битком набитое невиданными яствами и волшебными механизмами. Ну, в те забытые дни Братьям эта находка поначалу показалась искушением дьявола. Некоторые горячие головы даже хотели обложить чудовище хворостом и сжечь. Хвала Господу нашему и Пресвятой Деве Марии, что просто не хватило сил сотворить подобную глупость! Да и Двадцать Пять вмешались. Иначе первый год пребывания Ордена на Тевтонии оказался бы последним...

Очередной плоток из бокала. Следующий ломтик необыкновенно вкусной ветчины, буквально тающей во рту. Чревоугодие! Фанен-юнкер спохватился и заработал челюстями быстрее. Часы пути летели незаметно, количество непрочитанных страниц уменьшалось на глазах. Глаза скользили по напечатанным острым готическим шрифтом строкам, и перед юношей разворачивалась эпическая баллада о завоевании нового мира...

– Господин! Господин!

Курт открыл глаза, спросонок не понимая, кто к нему обращается. Но как только сознание окончательно заполнило мозг, взор прояснился, и перед ним возникла фигурка прислуги:

– Господин! Ваша станция через тридцать минут.

Молчаливый кивок в ответ, но девушка не уходила.

– Что еще?

– Полотенце, умывальные принадлежности, бритву?

Ого! Путешествие первым классом, оказывается, имеет свои прелести!

– Принеси все, что нужно.

Та вновь склонила увенчанную нелепым убором голову, шагнула чуть в сторону и раскрыла створки незаметного шкафчика. Вытащила оттуда плотно запечатанный пакет из синтетической бумаги, протянула юноше. При этом движении их руки соприкоснулись, и туземка зарделась, словно цветок Христа, окрашенный в цвет крови Господа. Она торопливо отдернула руку назад:

– Простите, господин...

– Свободна.

Едва туземка исчезла, Курт торопливо сбросил китель и приступил к приведению себя в порядок. Состав шел настолько ровно, словно стоял на месте. Ни гула мощных магнитов, ни свиста рассекаемого воздуха. Юноша еще раз придирчиво осмотрел себя в зеркало,

вмонтированное в дверь купе. Надраенные до блеска сапоги, синие брюки, заправленные в высокие голенища, цвет мундира говорил о принадлежности к Военно-космическому флоту. Белоснежный парадный китель с крестами в петлицах и витым погоном на левом плече, широкий ремень настоящей кожи, с португеей, на которой висит длинный, почти до колена, кортик офицера и дворянина. Пусть фрайхера, самого низкого, но зато – титульного. Между тем темное небо за окном, усеянное сотнями звезд и дымкой Туманности, вдруг озарилось сиянием – поезд приближался к станции.

Космопорт номер двадцать четыре – огромная база космофлота Ордена, сотни лиг в длину и ширину, занимающая добрую четверть Гроссландии, одной из административных земель...

Подхватив свои пожитки, молодой человек закрыл за собой купе, бросил ключ в висящий возле помещения проводника ящик и двинулся по коридору к гостеприимно светящемуся выходу. Возле него, против ожидания, никого не было. Впрочем, действительно, откуда в вагоне, предназначенном для особо важных или особо родовитых аристократов Ордена, пассажиры, подобные Курту? Так что сойти с поезда придется в полном одиночестве. Это завтра весь выпуск, все двести человек ринутся наружу, спеша оказаться на перроне в короткое время стоянки экспресса, который за сутки обходит по кругу всю планету, по всем двенадцати Орденским Землям. Нет, все-таки Курт не шрехт, грязный абориген, а настоящий человек! Истинный! И голова у него варит, особенно, когда прижмет...

Валенвильд встретил новоиспеченного офицера раздражающей суетой. Курт привык к размеренной жизни Гросебурга и Академии, а здесь... Толпы свободных на улицах, транспорт, везущий в своих кузовах необходимые грузы. Это так отличалось от всего, что юноша видел раньше, что он невольно застыл на месте, приоткрыв рот и глаза по сторонам.

Внезапно его толкнули, рука сама рванулась к кортику, но тут по месту, где только что стояли его сапоги, промчалась чуть ли не целая комтурия кнехтов-десантников, которых выдавали воротники кителей с лимонно-желтым кантом. Курт обернулся поблагодарить своего спасителя, поскольку без его помощи был бы просто затоптан, но рядом уже никого не было. Вдохнув, парень подхватил чемодан, вынул из кармашка предписание, аккуратно надорвал край. В руку скользнула легкая серая карточка с нанесенной на нее насечкой. Все. Дань традициям отдана. Пора возвращаться в свой мир. Курт прикоснулся пальцем к панели голонавигатора. Тот пискнул активируясь. В руке вспыхнула объемная картинка его местоположения.

– Гостиница для офицеров.

На голограмме появилась белая точка. Сориентировавшись, Курт решительным шагом двинулся по указанному маршруту. Можно, конечно, взять наемный транспорт, но тут всего-то два шага...

– Фанен-юнкер Курт фон Вальдхайм! Прибыл в ваше распоряжение, Брат-командир!

Молодой человек послушно, согласно положению устава, ел глазами немолодого уже тевтона с лицом, испещренным многочисленными шрамами, полученными на дуэлях. Некоторые из ран были совсем свежие. Командир люгера пробежал глазами документы юноши, бросил их на стол, и, не предлагая присесть, откинулся на спинку кресла.

– Итак, парень. Ты только что из Академии. За какую провинность назначен к нам?

Курт едва смог сдержать эмоции:

– Не могу знать, Брат-командир! Предписание мне выдал лично Брат-инквизитор!

Хозяин каюты скривился. Только этого не хватало. Впрочем, пути Господни неисповедимы, и не ему решать, почему вдруг Волки Господни решили подобным образом судьбу этого сосунка. Все новички одинаковые. Вначале плохо скрываемое презрение к кораблю

и экипажу, многочисленные рапорты начальству с просьбой о переводе. А когда приходит отказ, начинается либо прямой саботаж, либо – запой. Уйти с «Фон Валленберга» любым путем! Ладно... Хотя, если откровенно, парень вроде неглупый. Аттестат просто белоснежный. По всем дисциплинам полные «двенадцать». Гений? Скорее – зубрила. Инструкции и учебники выучил наизусть, а вот применить знания на практике... Ну-с, посмотрим.

– Ваш отец – Ульрих фон Вальдхайм?

– Так точно!

– Ладно. Хватит тянуться. Вольно!

Командир нажал кнопку вызова старшего помощника. Буквально через мгновение квадратная, со скругленными краями дверь в каюту распахнулась, и на пороге нарисовался Леон Штольц. Из свободных граждан, но не аристократ.

– Отведи парня в рубку. Ознакомь с обязанностями. Похоже, что у него неплохо с математикой. Назначим на торпедные аппараты, комендором.

– Так точно!

– Потом определишь его на место жительства.

– Так точно!

– Свободны! – лениво махнул рукой.

Офицеры синхронно отдали честь и вышли. Старпом, едва оказавшись за дверями командирского отсека, с видимым облегчением вздохнул:

– Повезло!

– А?

Курт, недоумевая, взглянул на него. Перехватив взгляд, Штольц пояснил:

– Я уж думал, что на вылет пойдем в некомплекте. Как раз неделю назад наш торпедист того...

– Погиб?!

– Да нет... Перевелся. Идемте, господин фанен-юнкер.

В рубке управления ничего неизвестного юноше не было. Обычная стандартная панель, четыре кресла: пилотское, штурманское, командирское и секции управления огнем. Так что никаких затруднений не ожидалось. Старпом между тем пояснял:

– Как видите, кораблик наш небольшой. Но если что, не приведи Дева Мария, случится – способен надрать задницу любому гиганту. Только намеренно получили новейшие торпеды «Валькирия». Чистейший тарунтин, девяностопроцентной очистки. Масса боевого заряда – двадцать две тысячи фунтов². Дальность прицельной стрельбы – шестьсот лиг. И таких игрушек у нас на борту пятьдесят!

– Ого!

Курт удивился: обычно люгер такого класса нес в отсеках не больше тридцати торпед. Откуда же остальные? Хорошо, что не задал вопрос, поскольку рот старпома не закрывался ни на минуту.

– Год назад прошли модернизацию. Нам расширили зарядные погреба и установили две автоматические пушки. Правда, маленькие, но кораблю хватает. Идемте дальше, господин фанен-юнкер...

Они облазили люгер сверху донизу. Прошлись по всем отсекам, начиная с рубки и заканчивая комнатой для отправления естественных нужд. Познакомились с остальным экипажем. К величайшему сожалению новичка, его ровесников среди них не было. И молодой человек оказался самым младшим в команде. Впрочем, если бы Курт был чуть внимательней, заметил бы главное – его не приняли... То есть пусть в реестр его и записали, но вот слиться с теми, кто уже служил на борту, ему вряд ли удастся. Как метко заметил один из

² Фунт – 3 килограмма.

механиков, слишком зеленый, слишком горластый и слишком «слишком». Но истинная причина была в другом: молодежь упорно не шла на маленькие корабли, считая службу на них зазорной. Другое дело – каракки или трабакколо. Те – да, колоссальных размеров, с многочисленным экипажем и вооружением, способные на прорыв любой обороны или уничтожение любого соперника. Там – конечно... Таким вот молодым – и перспектива по службе, и уважение. Особенно на базе и в увольнении. А люгеры, торпедные кечи, минные шлюпы и ковчеги снабженцев считались низкосортными. И отношение к членам их экипажей со стороны «гигантов» было самое пренебрежительное. Так что вряд ли и этот молодой задержится надолго...

Юноша устало вытянулся на койке в крохотной каюте, положенной ему по должности. Хотя с этим повезло! Мудрые головы рассудили верно, что раз экипаж корабля маленький, а полеты – дело долгое, то человеку, чтобы избежать конфликтов, необходимо место для уединения. Так сказать, личное жизненное пространство. А что может быть лучше, чем, пусть мизерной величины, но своя каюта? Только механики и двигателисты имели помещения для отдыха на двоих, но, поскольку их вахты продолжались по двенадцать часов, то фактически они не пересекались, имея такое вожделенное после месяца полета одиночество. А на больших кораблях, где по четыреста – пятьсот человек экипажа люди спят в больших кубриках на десять – двенадцать человек. Отдельные помещения имеют только начальники подразделений да командный состав. Хуже всех десантникам. Тех вообще набивают в трюм, словно керью в бочку, и весь путь до места назначения люди проводят в ужасной тесноте. Впрочем, командирам пехоты тоже выделяют отдельные места, поскольку – аристократы. А вот рядовые кнехты, как правило, из простонародья.

Незаметно для себя Курт уснул...

Алекс фон цу Дорт вновь взглянул на досье. Молодой, необтертый. Совсем как его отец. Поначалу. Они вместе заканчивали школу первой ступени, а потом пути друзей разошлись... От воспоминаний отвлек мигающий огонек внешней связи, и Брат включил аппарат:

– Командир люгера «Фон Валленберг». Слушаю.

– Диспетчерская-140. Мария Шрайвер. Оберкнехт. Прошу прощения, командир, поступил приказ из управления космофлота. Вам необходимо срочно доставить груз энергоносителей на наземную базу 42–30 Фобоса. Контейнер заберете на орбите в точке 14–12. Код доступа – двести двадцать два. Как поняли?

– Вас понял. Назовите пароль?

– День Божьего Суда.

– Пароль подтверждаю...

По всем отсекам раздался вой тревожной сирены, имитирующей рог. Низкое мощное гудение заставляло членов экипажа вскакивать с коек и торопливо одеваться. Люди мчались сломя голову по узким переходам на свои боевые посты. Курт едва успел протереть глаза кулаком, а ноги уже сами несли его в рубку. Влетев туда, парень плюхнулся в кресло и только после начал чего-то соображать. Проклятье! Так и не переделся в повседневную форму! Не зря на него так косятся...

Между тем командир корабля уже начал предстартовый отсчет. Механический голос послушно произносил цифры, дублируемые на мониторах перед каждым постом. В бой? Вряд ли... Да и с кем? Скорее – плановый вылет... Ноль! Громовой рык стартовых ускорителей, дикий визг, проникающий даже через мощную броню, колес стартовой тележки. Отсюда, естественно, не видно через металл, но сейчас длинные снопы искр рассыпаются из-под роликов несущейся с бешеной скоростью катапульты. Факелы пламени одноразовых

твердотопливных ракет, использующихся для разгона по эстакаде, смешиваются со всполохами разрядов гигантских электромагнитов. Зрелище со стороны просто апокалипсическое!

Навалилась тяжесть. Все больше и больше. Тяжело дышать, глаза ворочаются с трудом в ввалившихся орбитах. Знакомая багровая пелена от потяжелевшей, ставшей словно жидкий свинец, крови, которую с трудом прогоняет по сосудам напрягающееся изо всех сил сердце. К реву ускорителей примешивается вой рассеяемого воздуха. Кажется, или стало чуть теплее? Проходим атмосферу. Обшивка накаляется. Ну, это ненадолго. Скоро выйдем на орбиту, и тогда жара сменится холодом вакуума, да и все звуки, рвущие барабанные перепонки, тоже стихнут. Немного потерпеть, и все... О демоны! Мои глаза! Они что там, в двигательном отсеке, с ума сошли?! Ф-фу!!! Наконец-то! Дыхание выровнялось, краснота начала отступать. Хвала Деве Марии и мастерам-наставникам в Академии, гонявшим бурсаков на центрифугах и прочих силовых тренажерах. Как говорил Брат-наставник, в здоровом теле здоровый дух...

– Приготовиться к стыковке!

Руки автоматически легли на пульт, хотя от оружейника ничего не требовалось в данной ситуации. Просто дело привычки. Донеслась скороговорка штурмана, рулевого и командира, которые выполняли все необходимые операции. Скосив глаза, Курт увидел крохотные, едва заметные, просто тончайшие движения оператора полета, выдающие высочайшую квалификацию. Ничего себе! Да любой командир трабаколло за такого специалиста что хочешь отдаст!

– Есть стыковка. Груз захвачен...

С ума сойти! Сложнейший маневр – захват контейнера в вакууме, и с первой попытки! Это куда же он попал-то?! Глаза юноши, казалось, сейчас вылезут из орбит от удивления. Между тем командир коротко взглянул на центральный монитор, подтвердил стыковку с грузом наземной станции слежения, затем ввел полученные в ответ координаты прохода. Отстегнулся, коротко бросил:

– Всем, кроме дежурной смены, отдыхать. Идем на Фобос. Сопровождаем груз топлива. Время на борту – центральное. Все свободны.

Курт отстегнулся и слегка всплыл над креслом. Ухватился за многочисленные ручки, торчащие отовсюду, извернувшись, двинулся к выходу.

– Да, фанен-юнкер...

– Слушаюсь, Брат-командир!

– Потихе... На таких кораблях, как наш, орать не принято. Я понимаю, что для вас первый боевой вылет – праздник. Но все же на флоте существует устав. И парадную форму на борту тот не предусматривает. Надеюсь, что в следующий раз вы появитесь в рубке одетым, как положено.

Лицо юноши залила густая краска, и он четко отдал честь, забыв, что находится в невесомости. От резкого движения тело изменило траекторию, и Курт больно треснулся макушкой о потолок. Но хотя от сильного удара едва не прикусил язык, а из глаз от неожиданной обиды брызнули слезы, тем не менее ответил:

– Виноват, Брат-командир! Больше не повторится.

Тот махнул рукой:

– Идите к себе, фанен-юнкер. Пока вы всю рубку не разнесли своей черепушкой. Похоже, что она у вас слишком твердая...

Позор!.. Оказавшись в каюте, Курт с размаха врезал кулаком по переборке и взвыл от острой боли. Так оскандалиться в первый же день, в первый полет! Наверняка уже ему и кличку придумали. Ну свалился без задних ног! Все равно нужно было переодеться! Все усталость...

Юноша сидел, пристегнувшись к койке, и тихо, почти беззвучно подвывал сквозь стиснутые зубы, размышляя о будущем. Нет, все же Брат-инквизитор не зря послал на этот люгер. Видимо, разглядел своим всевидящим взором его полную непригодность к службе на настоящих, больших кораблях... Позор флота! Позорище семьи фон Вальдхайм! Позорище...

Курт затряс в воздухе жутко болевшей рукой, потом ухватил тюбик с медицинским клеем и залил ссадины слоем лекарства, стараясь, чтобы тот не поплыл в воздухе мелкими шариками. К собственному удивлению, это ему удалось. Обождав пару минут, чтобы эмульсия схватилась, расстегнул пуговицы, аккуратно сложил парадную форму в чемодан. Теперь она ему очень долго не понадобится. До Фобоса – почти неделя. А там – пути Господни неисповедимы...

Парень стиснул зубы. Пусть он начал службу с инцидента, но видит Бог наш, Иисус Христос, и мать его, Непорочная Дева Мария, что все допущенные ошибки Курт исправит! И настанет день, когда все будут с гордостью и завистью говорить о нем...

– Командир, стоило ли так унижать пацана? – Штурман, летавший с Алексом уже пятый год, взглянул на Брата, оторвавшись на мгновение от экрана радара. – Ты думаешь, из него будет толк?

– Кто знает!..

Штурман передернул плечами.

– Я сам таким был. – Чуть усмехнулся краешком губы: – Помнишь, как меня маневр на толчке застал?

Рыцарь рассмеялся. Тогда от резкого поворота штурмана сорвало с вакуумного унитаза, и все то, что тевтон изверг из себя, всплыло и размазалось ароматным слоем по мундиру. Новичок долго не мог избавиться от запаха и от прозвища «Вонючка»... Впрочем, пожалуй, Ганс прав. Не стоило так давить на сосунка. Ладно... Приказы командира не обсуждаются. Алекс вздохнул:

– Посмотрим. Там видно будет. Что у нас на пути?

Штурман мгновенно обернулся к радару:

– Пока – чисто. Идем строго по маякам. Груз ведет себя на удивление послушно. Так что проблем не предвидится. Предупреждений о смещении астероидных потоков в коридор тоже не поступало.

– Хорошо. Надеюсь, дотопаем до планеты без эксцессов и происшествий.

– Тоже на это надеюсь, командир.

– Когда прибудем, отправлю парня сопровождать груз. Он еще не привык к космосу, поэтому пусть пощупает ногами новый мир. Только на пользу пойдет. А то привык, понимаешь, считать Тевтонию единственным достойным местом во Вселенной.

Штурман вновь улыбнулся в густые усы и наклонился к панели управления вычислителем, пряча усмешку...

Глава 2

– Что-то наш канонир совсем приуныл! – заявил во всеуслышание механик, входя в столовую.

Свободные от вахты члены экипажа, склонившись над тарелками, промолчали. Впрочем, крыть было нечем – парень замкнулся в себе буквально за считанные часы. Под глазами появились темные круги, будто он третью ночь обходился без сна. Аппетитом новичок тоже не отличался. Так, покрутит ложкой в тарелке зуппе, молча погрызет армейский сухарь – и все. Ну еще выпьет два стакана компота или другого питья. Больше ничего. И – молчит. Только строго уставные «так точно» и «никак нет». Будто никого не видит или считает окружающих ниже себя, а потому брезгует общением.

Командир уже, откровенно говоря, считал дни до прибытия на орбитальную станцию, чтобы отправить фанен-юнкера на планету вместе с контейнером, поскольку откровенно начинал опасаться либо вызова молодого канонира на дуэль кем-нибудь из стариков, либо обычного простонародного мордобоя, чем иногда грешили ветераны, устраивая «темную». Впрочем, пока обходилось, и слава богу!

Курт точно с таким же нетерпением ожидал конечного пункта назначения, поскольку надеялся, что там ему удастся подать рапорт на списание из-за непригодности. Конечно, это крест на всей карьере и несмываемый позор, но... Лучше уйти самому, чем, если что случится, – не дай, конечно, Дева Мария! – то из-за собственной некомпетентности подвести, а то и стать виновником гибели этих людей.

Парень сутками зубрил наставления, переворошил все специальные справочники в поисках решения самых невероятных боевых задач. Правда, об этом практически никто не знал, кроме, естественно, штурмана и командира, в чьем непосредственном ведении находились данные агрегаты. Просматривая результаты, показанные на тренажерах, офицеры восхищенно цокали языками, сожалея о том, что с юношей все же придется расстаться. Ну не останется такой ас на их корыте! Штурман даже по просьбе Алекса побеседовал с ветеранами люгера, убеждая их потерпеть до Фобоса, конечной точки их путешествия...

Между тем все шло как обычно. Миновали тщательно охраняемый многочисленными «чистильщиками» проход в сплошном астероидном облаке, окружающем Тевтонию. Когда же люгер вышел в чистое пространство, заработали наконец основные двигатели, неся тупорылое туловище, усеянное клюзами торпедных аппаратов, к своей цели – большой, окруженной тремя спутниками, второй населенной планете в системе Солейля.

Сам полет прошел без проблем, если не считать того, что под конец рейса командир забеспокоился уже всерьез – фанен-юнкера в прямом смысле шатало от недосыпа, недоедания и плохо скрываемого отчаяния. Курт молчал, стиснув зубы, но легко было догадаться, что парень до ужаса боится списания с люгера. Ведь это был его первый боевой полет в космосе, и если его выгонят, то больше чистых, не моргающих звезд ему не видеть...

Орбитальная станция, висящая на геостационаре второй обитаемой планеты системы, была огромной. Впрочем, тевтоны всегда увлекались гигантизмом. Непонятно, откуда у них это взялось, может, просто сидело в крови, а может, и отголоски чего-то забытого в прошлом, но сверкающий в лучах приютившей Орден звезды металлический куб внушал почтение всем, кто его видел со стороны. Усыпанное по периметру многочисленными галереями с орудиями и антеннами радаров дальнего обнаружения, с пришвартовавшимися к выдвижным причалам десятками кораблей космофлота Ордена, тем не менее сооружение издали не казалось маленьким. А гигантский крест, символ Тевтонии, образованный более темными, чем остальные, панелями обшивки, первым бросался в глаза при приближении к станции.

Рулевой и в этот раз показал себя истинным мастером, виртуозом пилотажа. Ловко увернувшись от громадной граненой туши прущей внаглую бомбарды, Курт ловко выдернул люгер вверх, одновременно расцепляя магнитные захваты, в которых уютно покоился контейнер. Тот, неторопливо проплыл прямо в приемные сети, которые, автоматически спеленав подарок с родины, уволокли груз внутрь шлюзовой камеры. После этого крохотный кораблик устремился к гостеприимно сверкающему голографическими маркерами ангару, где ему предстояло пополнить припасы и дать отдых экипажу. Еще несколько минут – и вот наконец легкий толчок. Затем – тишина. Пилот устало положил руки на колени, прикрыл глаза и коротко бросил:

– Командир, прибыли.

– Вижу.

Алекс привычным движением перевел реакторы двигателя в холостой режим, затем включил общую связь:

– Внимание экипажу: прибыли в пункт назначения. Все свободные от вахты могут сойти с борта.

Курт поднялся было с кресла, но замер, остановленный жестом Брата. А тот продолжил в решетку микрофона:

– Особо не задираться. Нас и так с прошлого раза не забыли.

Дружный рев был ответом, и юноша вдруг заметил, как усы командира на миг шевельнулись в усмешке. Но тут же легкая улыбка исчезла с его губ, и уже официальным тоном Дорт обратился к канониру:

– Фанен-юнкер фон Вальдхайм! – Внутри у Курта все похолодело. – Прошу вас выполнить некоторые формальности, связанные с нашим грузом. Необходимо сопроводить контейнер вниз, на поверхность. Доставка – орбитальным лифтом. После сдачи контейнера и подписания всех документов возвращайтесь. Получите внеочередное увольнение на Тевтонию в качестве компенсации.

– Слушаюсь, Брат-командир!

Словно глыба упала с его плеч: оставляют! Пусть и наломал дров в первом же рейсе, тем не менее командир оставляет его на борту! Алекс ловко метнул Курту плотно скрученный свиток:

– Сопроводительные документы. Оружие получите в арсенале.

– Так точно, Брат-командир!

Юноша рванул к выходу из рубки и, уже выскакивая наружу, услышал самое главное:

– У вас четверо суток, фанен-юнкер...

Фон Вальдхайма словно обожгло, и вся радость улетучилась в мгновение ока – опять облажался! Не иначе, попал под взор Сатаны... А то с чего бы такое невезение?!

Массивный пехотный «Ричард» калибром в четыре линии³, носимый боезапас к нему – шесть обойм по двенадцать патронов. Личный кортик – одновременно и статус дворянина. Брать доспехи? Пожалуй, не стоит... Насчет того, что он вызовет насмешки, имея при себе боевое оружие, можно не беспокоиться. По уставу при исполнении задания вышестоящего командира положено иметь штатное вооружение. Наоборот, на время командировки пистолет оградит от возможных конфликтов и унижений...

Курт быстро заскочил в каюту, торопливо переоделся в повседневный мундир песочного цвета со стилизованным серым нагрудником. На груди кителя распростер крылья вышитый золотом орел. Говорят, когда-то он был гораздо больше. Но сейчас превратился в два зигзага по краям застежки. Да на стоячем воротнике светло-синего цвета такие же точно

³ **Линия** – тевтонская линия – 4 мм. Стандартный калибр личного оружия – 12 мм. Автоматического – 15 мм.

крылья, но намного меньше, чем спереди! Впрочем, когда Курт заработает новый чин, – и птица станет больше! Значок Академии – на грудь. Взгляд на погоны – все на месте. Кобура на животе, словно припаянная, кортик слева, в пристегнутых к широкому ремню ножнах. Сапоги сияют. Готов!..

Вальдхайм приложил личный жетон к считывателю, тот звякнул и в динамиках прозвучало:

– Фанен-юнker, пройдите в шестой лифт на сто девяносто четвертой палубе. Ваш груз ожидает отправки. Номер семь-семь-девять-семь-четыре-два. Получите маршрутизатор.

Из окошка скользнула серая карточка, высветившая после активации нужный маршрут. Оказалось, что контейнер совсем недалеко. Примерно минут десять быстрой ходьбы.

Убедившись, что контейнер с литиевой пастой закреплен надежно, Курт занял свое место в пассажирском отсеке орбитального лифта и подтвердил готовность к отправке. Едва над головой вспыхнул яркий свет, сигнализирующий отправление, юноша закрыл глаза и стиснул зубы покрепче. Пусть путешествие в кабине орбитальника не равнялось по комфорту со стартом любого корабля, тем не менее перегрузки тоже были немалыми. И если люгер вышел на орбиту Тевтонии за тридцать минут, то здесь путешествие должно было затянуться почти на четыре часа...

К удивлению, спуск оказался довольно плавным, и юноша не заметил, как уснул. Хвала Господу, что перед прибытием по салону растекся густой звук сигнального рога, оповещающий о конце пути. Легкий толчок, слышный даже сквозь покрытые термоизолирующим материалом стены кабины лязг причальных захватов. Последний предупредительный гудок.

Дождавшись очереди, молодой человек покинул свое место и устремился к выходу. Несколько шагов – и вот он уже снаружи. По глазам ударило невыносимо яркое солнце, легкие едва не обожгло горячим воздухом, напоенным каким-то пряным ароматом. Разница в тяжести почти не ощущалась. Несмотря на большие по сравнению с Тевтонией размеры планеты, плотность Фобоса была ниже.

Осмотревшись на платформе, Курт торопливо подошел к терминалу распределителя и воткнул сопроводительную карту в считыватель. Автомат озадаченно звякнул, потом утробно прогудел и выплюнул новые документы. Юноша едва не выругался вслух – удружил ему командир! Он-то рассчитывал, что сдаст контейнер и вернется на люгер. Не тут-то было! Не случайно срок командировки был таким большим. Оказывается, необходимо доставить груз на место назначения – в один из замков-фортов на северной границе. Впрочем, можно и в плохих обстоятельствах находить хорошее. Туда отправляется дирижабль, и его уже снаряжают. Сутки полета, там груз оприходуют. Назад Курт вернется на скоростном самолете. Так что хоть немного, но отдохнуть удастся. Зато будет возможность полюбоваться планетой с высоты птичьего полета. Ни один голофильм, никакие картины или снимки не передадут все ощущения от чужого мира...

Охлажденное кондиционером нутро пассажирского помещения огромного грузового дирижабля показалось юноше раем. Предъявив бумаги распорядившемуся на борту офицеру, Курт прошел на указанное место, пристегнулся, согласно требованию светящегося табло. От предложенного обеда отказался. Есть, несмотря на часы, проведенные в лифте, не хотелось.

Наконец плоский блин объемом в несколько тысяч кубических футов⁴ плавно взмыл в воздух. Заработали могучие двигатели, бешено замолотили громадные лопасти тяговых винтов, разворачивая дирижабль. Курт прильнул к квадратному иллюминатору. Внизу, куда

⁴ Кубический фут – 27 кубических метров.

доставал взгляд, расстилалась равнина, покрытая буйной зеленью. Где-то на горизонте синели едва заметные полосы горной гряды. Прямо под дирижаблем медленно проплыла территория космопорта с бесконечной ниткой космического лифта, теряющейся в синеве небес. Строгие кубики строений, взлетная полоса для атмосферного транспорта и военных кораблей. Решетчатая ферма стартовой катапульты для челноков, усеянная массивными кольцами электромагнитов. Серые квадраты керамических плит, которыми была выложена территория базы, вдалеке неуловимо растворялись на просторах Фобоса.

Дирижабль закончил разворот и лег, наконец, на курс. Двигатели взвыли, их шум проник даже сквозь усиленную защиту кабины. Земля, вначале медленно, потом все быстрее и быстрее стала уплывать назад. Курт откинулся в кресле, ускорение оказалось значительным. Серая окраска внизу быстро сменилась на зелено-желтую. Бесконечная саванна, с редкими вкраплениями небольших, из шести – десяти раскидистых деревьев, рощиц. Кое-где виднелись стада местных пасущихся животных. Или с высоты в густой, чуть ли не в рост человека траве мелькала спина местного хищника, охотящегося на травоядных.

Через некоторое время интерес Курта сменился равнодушием, затем – откровенной скукой. Юноша уже тяготился впечатлениями, когда настало время ужина. Паек, против обыкновения, отличался от стандартного наличием здоровенного куска мяса, которое буквально таяло во рту, настолько вкусным оно было! Да и напиток густого желтого цвета явно принадлежал к местной экзотике. Насытившись, Курт незаметно для себя задремал и очнулся, когда едва не вылетел из кресла – транспорт сбрасывал скорость, переключив винты на реверс.

Курт вновь приник к окну и ахнул. В густой ночи ярко светились многочисленные лучи прожекторов форпоста. Ну наконец-то первая половина пути подходит к концу! Между тем свет все усиливался, вскоре уже можно было различить и строения, и привычную, тщательно выложенную плитами поверхность.

Это место значительно отличалось от космопорта – высокие решетчатые столбы охранной системы, светящиеся коронными разрядами статического электричества, ограждали периметр. Между тремя рядами таких вот излучателей скользили стального цвета кубы автономных големов-защитников⁵, грозно поводя из стороны в сторону вмонтированными в башенки скорострельными пушками. Страшная штука! Запрограммированы на уничтожение всего живого, что переступит границы запрещенной зоны. Машина не станет разбираться, имеешь ли ты право на это или просто заблудился. Она не станет слушать ни мольбы о помощи, ни приказы. Просто массивный ствол изрыгнет порцию раскаленного металла, разносящего тебя на куски. На Тевтонии такие големы использовались только в экстраординарных случаях. Например, двадцать лет назад, когда шрехты в одной из резерваций попытались поднять восстание. Они убили всех свободных, находящихся в их досягаемости, и сожгли риги с урожаем, приготовленным к отправке. Им даже удалось разбить полицейский отряд, посланный на усмирение. И тогда администратор Области послал туда двух големов... Потом чиновника осудил Трибунал. Но – поздно. Почти пятьдесят тысяч шрехтов – мужчины, женщины, дети, старики – были перебиты без всякой жалости...

– Швартуемся, офицер!

Легкий толчок. И резкая тишина, от которой Курту в первый миг даже стало не по себе. Турбины смолкли. Огромная, но легкая туша транспорта застыла у причальной мачты. Снизу раздался гул лебедек, притягивающих цеппелин к земле. И вот наконец долгожданное объявление по громкой связи:

– Корабль прибыл в пункт назначения. Пассажиры могут покинуть свои места и приступить к своим обязанностям.

⁵ Голем-защитник – боевой самоуправляющийся робот.

Как громко и пафосно! Курт едва сдержал улыбку – он был единственным посторонним человеком на борту, кроме экипажа. Наконец можно подняться, размять короткой гимнастикой немного затекшие суставы и отделаться от надоевшего груза.

В лицо вновь пахнуло жаром накаленной степи и густым пряным ароматом местной растительности.

– Вы, твари, работать! Живо!..

И грязные ругательства вдогонку. Молодой человек едва не споткнулся от удивления. Группа голых... нет, все-таки какие-то тряпки были обмотаны вокруг бедер, людей, грязно-коричневого, скорее даже черного цвета, словно вымазанных в угольной пыли, уныло завывая что-то однообразное, надрываясь, тянула трос, прикрепленный к контейнеру Курта. Да кто же они?! Юноша схватился за кобуру, но тут заметил одетого по форме юнкера.

– Что здесь происходит?!

– А вы кто такой? – заносчиво взглянул тот на Вальдхайма. – Новенький? – Потом разглядел его нашивки и лениво отдал честь. – Не волнуйтесь, фанен-юнкер. Я – принимающий мастер. Вы, как я понимаю, сопровождали топливо?

– Так точно! Фанен-юнкер Курт фон Вальдхайм с люгера «Фон Валленберг», доставившего контейнер.

Местный едва не выругался вслух, но сдержался.

– И командир погнал вас через четверть планеты, когда контейнер можно было передать любому члену экипажа почтовика? Маразм! Вот же... – дернул он головой, потом вновь заговорил: – Впрочем, вы в этом идиотизме не виноваты. Идите по этой линии, через два корпуса – гостиница. Там можете переночевать. Я распоряжусь. Документы о приемке лития будут ждать вас утром. Почтовый рейс отбудет в двенадцать ноль-ноль. А до той поры придется поскучать на форпосте.

Юноша благодарно кивнул и поинтересовался:

– А все-таки что это за шрехты? Никогда таких не видел...

– Негеры. Местные. Пытаемся их приручить, кое-чему обучить, но ничего не выходит. Тупые твари. И ленивые. Только кнут и понимают...

– Спасибо за пояснение, юнкер.

– Готфрид. Ладно, идите, Вальдхайм. Утром увидимся.

Курт отдал честь, развернулся и отправился в гостиницу...

Гостиница оказалась типовым бараком. Правда, ухоженным и новеньким, еще поблескивающим свежей эмалью. Впрочем, все постройки форта выглядели так же. Молодой человек спокойно прошествовал по вымощенной плиткой дорожке, вдоль которой росли невысокие кусты, аккуратно, по-орденски, подстриженные. Поднявшись по ступенькам крыльца, прикрытого навесом синего стекла от палящего днем солнца, фанен-юнкер толкнул дверь и оказался в прохладном холле. Завидев незнакомого офицера, сидевший за столом кнехт в пятнистом обмундировании вскочил и отдал честь, стукнув кулаком по груди, а затем выбросив руку вперед:

– Во имя Господа!..

– И Пресвятой Девы Марии! – ответил Курт. Он устало положил перед солдатом командировочное предписание и вынул из кобуры оружие. Кнехт сунул карточку в считыватель, внимательно пробежав глазами высветившиеся в воздухе строки, утвердительно кивнул:

– Номер двадцать четыре, господин фанен-юнкер. Оружие заберите с собой. Здесь Приграничье, так что – свои порядки.

Звякнули древние, архаичные ключи на деревянной груше. Увидев удивленное выражение гостя, солдат пояснил, коротко пожав плечами:

- Приграничье, господин офицер... Не желаете чего-нибудь перекусить с дороги?
- Нет, спасибо, кнехт. Где я могу принять душ?
- Голубая дверь по коридору в конце.
- Спасибо...

После прохладного душа, смывшего грязь и пот, молодой человек почувствовал себя намного лучше. Все же осознание того, что он находится на чужой планете, да еще невыносимая духота незаметно для организма навалились тяжелым грузом, несмотря на бушующий в крови адреналин. Вытянувшись нагишом на белоснежных простынях из натуральной ткани, приятно холодивших кожу, незаметно для себя Курт задремал, не удосужившись даже прикрыться хотя бы полотенцем. Впрочем, вскоре, озябнув, проснулся и, торопливо натянув нижнее белье, вновь устроился в кровати...

Пробуждение было ужасным. Дико взвыл тревожный рог, своим низким гулом заставляя вибрировать даже кости черепа. Тело, натренированное годами учебы, действовало само. Спустя минуту Курт уже был в коридоре. К его удивлению, давешний кнехт оказался облаченным в полное боевое снаряжение.

- Господин офицер, как вы вовремя! Я уже хотел бежать вас будить. Держите!

Солдат нагнулся и выудил из-под стола продолговатый контейнер, в котором Курт узнал стандартный бронекостюм пехоты.

- Доводилось пользоваться?

Юноша молча кивнул и тут же натянул доспехи. Следом на столешницу легли тяжелый пятилинейный автомат с коробкой запасных магазинов и кубик переговорного устройства.

– Шестой канал, господин офицер. Сейчас выдвигайтесь к штабу. Самое высокое здание через две линии отсюда. Выйдете – увидите сразу. Там обратитесь к дежурному, он вас пристроит.

- А что, собственно говоря, происходит?

Вальдхайм наконец проснулся и решил, что стоит поинтересоваться. Может, это обыкновенная учебная тревога, и тогда можно со спокойной совестью продолжить сон? Но, против ожидания, лицо кнехта стало суровым. Вся вежливость и подобострастие шрехта перед настоящим человеком мгновенно слетели с солдата, и он коротко бросил одно-единственное слово, заставившее новичка побледнеть:

- Партизаны!

Неведомый ужас незапамятных времен... То, чем матери-тевтонки пугают непослушных детей. Чудовища, не имеющие ничего святого и не брезгующие никакими мерзостями, не соблюдающие законов войны. Из легенд было известно, что живых после встречи с этими исчадиями ада не оставалось никогда...

Кровь вновь вскипела от адреналина, Курт встряхнулся, ощущая, как мышцы наливаются силой. Короткими, скупыми движениями он проверил обмундирование, автомат. Тот был ухожен и находился в отличном состоянии. Сто восемьдесят запасных патронов в пяти магазинах, не считая того, что вставлен в приклад оружия. Две гранаты в сумке, полагающейся к бронекостюму, плюс дополнительно зажигательная и специального действия – ослепляющая. Ножа не полагалось, зато у Курта был фамильный кортик. Ну и несколько встроенных в броню интересных и необходимых для выживания в любых условиях вещей. Коротко взглянув на забрало тактического шлема и убедившись в полной зарядке энергобатареи, фанен-юнкер шагнул к двери, провожаемый голосом кнехта:

– Не забудьте, господин офицер, через две линии, самое высокое здание городка, шестой канал!..

Вальдхайм перешагнул через порог и внезапно почувствовал, что на душе у него становится очень скверно...

Глава 3

Едва оказавшись за дверью, молодой человек сразу увидел штаб форта, о котором ему говорил кнехт. Массивный куб, выложенный бронеплитами, уставленный по периметру крыши мощными прожекторами, направленными в сторону ограждения. На улице была еще ночь, но темноту в клочья разорвали лучи охранной системы. Но аллеи городка оставались пустынными. Впрочем, как раз это объяснялось очень легко – весь гарнизон давно уже занял положенные по тревожному расписанию позиции.

Бегом, не обращая внимания на указатели, перемахивая через живые изгороди и уродуя аккуратно постриженные искусственные лужайки бронеботфортами, Вальдхайм рванулся в нужную сторону. Десять секунд бега, и вот он уже прямо на ристалище перед штабом. Набирает силу свечение силового электростатического поля возле здания. Земля задрожала, когда на максимальную мощность вышел реактор, питающий ограждения и охранные системы. Юноша в душе порадовался, что доставил топливо вовремя – хотя литиевые генераторы были очень мощны, но и жрали топливо, словно голодный абориген после недельного поста.

– Стой! Кто такой, откуда?

Усиленный динамиком голос лязгнул, словно металлический. Курт выхватил из нагрудного кармана карту-опознаватель и вскинул ее над головой. Тончайший, невидимый глазом лучик считывателя коснулся ее своим концом и, пробежав полосу кода, убрался. Треск разрядов статики прекратился на мгновение, и в сияющей пелене появился проход. Юноша мгновенно подхватился и вновь рванулся вперед.

В холле штаба было на удивление многолюдно по сравнению с остальным городком, почти десяток офицеров, среди которых Курт увидел даже Брата с нашивками баллемейстера⁶. Как положено, юноша сразу застыл по стойке смирно и отдал честь привычным жестом.

– Фанен-юнгер Курт фон Вальдхайм, ваше превосходительство! Канонир люгера «Фон Валленберг». Сопровождал доставленный кораблем груз, прибыл в форт вчера, с почтовым дирижаблем.

– Ясно. Значит... – Вопросительный взгляд. По-видимому, в суматохе старший по званию не расслышал представления толком.

– Канонир...

– Только из Академии?

Брат смерил юношу взглядом, от которого тот покрылся краской стыда. Но командующий фортом отвернулся и проговорил:

– Юрген фон Штирлиц, Брат-баллемейстер Ордена на Фобосе. Ганс! Ганс!.. – Один из офицеров вытянулся перед командиром. – Новичок ничего не знает о наших делах. Возьмите над ним опеку.

– Слушаюсь!

Через мгновение сильная рука легла на плечо молодого офицера.

– Ганс цу Зее, фанен-юнгер. Прошу держаться меня.

Он убрал руку, шагнул в сторону лестницы, ведущей вверх. Обернулся, глядя на застывшего от изумления новичка.

– Идемте за мной, друг! Нечего тут делать!

Спохватившись, Курт рванул следом. После недолгого подъема оба тевтона оказались на крыше. То, что их могут заметить снайперы, Вальдхайм не боялся: во-первых, силовое поле, полностью глушившее всю электронику в любых приборах; во-вторых, сверх-

⁶ Баллемейстер – один из высших чинов Ордена.

мощные прожектора, выжигающие подчистую сетчатку не защищенного специальными фильтрами глаза.

– Как я слышал, вы корабельный канонир?

– Так точно, э-э-э... Прошу прощения, из-за шума генератора не разобрал...

– Юнкер. Юнкер цу Зее.

– Прошу прощения, юнкер. Просто вы не назвали своего звания.

– Ах да! Сейчас не до вежливости, коллега. Короче, вот ваша установка. Сектор – половина окружности, от ноля до ста восьмидесяти. Остальное – мое.

Абориген указал на медленно выползающую из крыши решетчатую башню со счетверенной артиллерийской установкой десятилинейного калибра.

– А по чему стрелять-то?

– Поймете сами. Но правило здесь, на Фобосе, одно: бей по тому, что находится за линией ограждения. Без исключений! И еще, юнкер... – Ганс криво усмехнулся: – Попадать в плен не советую. Сожрут!

Уже поставив ногу на ступеньку лестницы, Курт едва не оступился от удивления:

– Как это, сожрут?!

– В прямом смысле. Здешние шрехты – людоеды...

Оказавшись в кресле канонира, Курт почувствовал, как его затрясло. Первый в его жизни настоящий бой. С кем? С теми черными, словно смола, шрехтами, виденными им на разгрузочной площадке? Или с чем? Юноша приник к оптике прицела и ахнул – где-то далеко, еще за пределами дальнобойности орудий, интеллекtronика услужливо нарисовала неясные, медленно передвигающиеся точки. Внезапно до него донесся тихий звон, крутанув головой, юноша сообразил, что это кто-то барабанит по ступенькам лестницы. Нагнулся и увидел яростно жестикулирующую фигуру юнкера. Тот поднял вверх крошечный кубик, показывая на него свободной рукой. Проклятье! Курт забыл включить передатчик! Легкое касание оживило рацию, и тут же оттуда донесся отборный мат по адресу новичка и всех его предков в придачу.

– Прошу прощения, юнкер...

– А, проехали! Видишь что-нибудь?!

– Прямо, в двадцати милях. Девять крупных объектов. Медленно двигаются к нам.

– Что?! – Ужас на лице местного был неподдельным. – Как только приблизятся на дистанцию прямого попадания, открывай огонь! И, помоги нам Бог и Святая Дева Мария...

– Да что там такое может быть?!

– Элефанты! А с ними всегда идут вуку-вуку!

– Это еще что?!

– Колдуны, тысяча беременных коров!.. Увидишь еще, не приведи Господь. Главное – сразу долби, не вздумай выдерживать дистанцию! Огонь!

– Вас понял!

Курт уже приготовился нажать на спуск, но автоматика отменила приказ – дистанция была слишком велика.

– Почему не стреляешь?!

– Раухер наведения не дает!

– Так отключи!

– Но я... Мне же не попасть с такой дистанции!

– Молчать! Огонь, идиот!..

Пришлось молча проглотить обиду и, щелкнув тумблером, чтобы отключить излишне бережливую технику, открыть огонь... Нога вдавила педаль спуска, гроыхнуло так, что на мгновение заложило уши. Башня сотряслась от залпа, и тут же элеваторы зарядников вогнали в стволы новые снаряды.

– Переключись на зажигательные и продолжай! Продолжай! Христом-Спасителем заклинаю: негеры не должны подойти ближе чем на пять лиг, запомни! На пять лиг!..

Связь прервалась, а из-за спины донесся залп установки напарника. Тут же ударил следующий, и еще один, и еще.

Юнкер стрелял без остановок, лихорадочно, едва только механизмы успевали перезаряжать пушки. Его ужас, звучавший и в голосе, которым тот вел переговоры, и во всем поведении, невольно передался новичку, и Курт, непроизвольно поддавшись панике, тоже повел стрельбу в таком же бешеном темпе. Выстрел за выстрелом. Длинные трассеры тяжелых снарядов не успевали растаять во тьме, а вслед уже устремлялась следующая четверка массивных чушек, каждая чуть ли не в берковец⁷ весом.

Далеко в саванне вспыхнуло пламя. Густое, дымное, оно ширилось и росло с каждым мгновением и каждым новым выстрелом. Но, к своему ужасу, Курт заметил, что далекие точки не исчезли в испепеляющем огне, от которого плавились камни, а медленно и неукротимо продолжали продвигаться к ограде форта. Вот же Темная Сила! Они что, продали душу дьяволу?!

Руки юноши автоматически переключили один из стволов на стрельбу бронебойными, а другой ствол отключили вообще, поскольку перегрев мог вызвать выход пушек из строя, и нужно было дать им остынуть по одной. Автоматически включился фризер, и из трубок под противооткатной системой вырвался охлаждающий реагент, мгновенно вскипевший от неимоверной температуры. Курт тщательно навел установку, поскольку неизвестных ему эфрантов уже можно было разглядеть в оптику прицела. Они оказались массивными покатыми глыбами, тускло поблескивающими металлом. Ничего себе! Аборигены знают металлообработку?!

Аккуратными движениями Курт подвел треугольник прицела под обрез одной из двигающихся к форту глыб и носком бронеботфорта изо всех сил вдавил педаль спуска. Три ствола изрыгнули смерть. Два снаряда бессильно расплескались пламенем, начавшим медленно сползать по боку эфранта, но третий на миг заставил невиданное чудовище вздрогнуть. Машины уже начали перезарядку, но следующий залп юноша поставил на выстрел только бронебойными. На этот раз болванка взмыла над глыбой, рассыпая фиолетовые искры. Зажигательные же боеприпасы не оказывали никакого воздействия на чудовище.

Курт едва дождался, пока автоматика произведет перезарядку, тем более что сейчас должен быть полный, четырехорудийный залп, после которого отключится очередной ствол. Чуть поправил прицел, держа в перекрестье риск визира головную «глыбу». Нога нажала педаль, башня дрогнула, пока компенсаторы возвращали стволы на место, но Курт ясно увидел, как зверь вдруг замер на месте. Остальные начали медленно обходить его по бокам. Однако остановившийся зверь вновь зашевелился. Но пока эфрант приходил в себя, в него угодили следующих три снаряда.

На этот раз броня монстра не выдержала – она, словно цветок, раскрылась изнутри огненным взрывом, после которого замерли еще два чудовища, находившиеся наиболее близко к подбитому. Но надежда на то, что эфрантов удалось остановить, оказалась тщетной. Несколько минут отдыха под градом снарядов, и глыбы вновь медленно и неукротимо поползли к форту.

Фанен-юнкер закусил губу: что бы он ни делал, как ни старался, все было тщетно. Чудовища медленно и неотвратно приближались. Осыпаясь градом снарядов, их броня, казалось, становилась только крепче под разрывами. Может, вновь перейти на зажигательные?! Тем более что можно уменьшить заряд, и пушки будут перегреваться медленнее! Курт

⁷ Берковец – примерно 30 килограммов.

заглянул в дальномер: элѐфанты уже вышли на ту самую дистанцию, о которой предупреждал Юрген. И сразу же что-то изменилось.

Свечение ограждения вдруг стало ослабевать, с каждым шагом неведомых зверей к форту прозрачней становилось и статическое поле, которое должно было защищать тевтонов от пуль и снарядов врага. Даже гул реактора изменился. Показалось, что он начинает давиться, будто ему не хватает мощности. Что за...

И вдруг разом все стихло. Артустановка дрогнула и замерла на месте. Погасли все огоньки на панели управления, сигнализовавшие о работе системы. Стволы, над которыми дрожал перегретый воздух, бессильно поникли. Курт напрасно давил на рычаги и педали, система встала окончательно и бесповоротно. Внезапно один из элѐфантов, который подобрался уже достаточно близко, раскрылся. В пламени пылающей саванны тевтон успел увидеть, как оттуда градом посыпались крошечные на таком удалении фигурки, потрясая над головой, по-видимому, оружием, и устремились к уже давно потерявшей свою функцию обесточенной ограде. Между рядами проволоки бессильно застыли лишённые энергии охранные големы, ставшие бесполезными украшениями.

Черт! Что же делать? Вся электроника, которой были набиты доспехи, тоже оказалась отключена. У Курта появилось ощущение, что кто-то или что-то просто высосало всю энергию, которая вырабатывалась в форте. А значит... Он торопливо схватил «крысобоюку» – так и есть! В автомате погасла система наведения и дальновидения, но механика работала. А значит, можно будет дорого продать свою жизнь! Совет Ганса не пропадет даром. Обхватив руками перила трапа, Курт съехал вниз, на крышу, тормозя перчатками. Юрген уже стоял возле своей замолкшей счетверенной установки, с нетерпением ожидая юношу. Хлопнул его по плечу закованной в броню перчаткой.

– Отлично! Не ожидал! Ты сумел одного уложить! Давно я о подобном не слышал!

– А почему ракеты не используете?

– Их колдуны умеют как-то сбивать системы наведения. После того как пару раз «моргенштерны» ударили обратно по точкам запуска, их применение запретили. Ладно, болтать нам некогда, валим вниз! И не потеряйся!

Оба тевтона стремительно скатились по лестнице, задраив за собой люк, ведущий на крышу. И вовремя. Буквально в следующий миг по плоской поверхности расплескалось пламя от выпущенного из большой катапульты глиняного кувшина с зажигательной смесью. Огонь взревел и очень быстро смог прожечь отверстия в кожухах, прикрывающих элеваторы подачи боеприпасов к орудиям. Те были плотно забиты сияющими начищенной сталью снарядами. Еще несколько мгновений, и тарунтин в их боеголовках сдетонировал.

Грянул ужасающей мощи взрыв. Курт еще успел почувствовать, как дрогнуло перекрытие пола под его ногами, вскинул голову, и в ту же секунду ослепительно белое сияние захлестнуло юношу с головой, погружая в бесконечный мрак...

– Фанен-юнгер Курт фон Вальдхайм, расскажите Комиссии по расследованию обстоятельств уничтожения форта номер четыре и гибели всего гарнизона.

Юноша набрал в грудь побольше воздуха и открыл рот, собираясь заговорить, но вдруг словно подавился – то, что он видел, было просто ужасно...

«Ви... Ви... Ви...» Курт очнулся от того, что зуммер в шлеме подавал сигналы тревоги. Затем вдруг перед глазами вспыхнуло и ожило тактическое забрало шлема, умершее было во время атаки негеров. Одновременно тело ощутило уже знакомую вибрацию работы литиевого реактора. Получается, что нападавшие каким-то образом смогли заглушить его работу?! Невероятно! Даже на Тевтонии подобное было не под силу науке, а эти отсталые аборигены сумели? Но почему темно?

Тронул языком сенсор, и дыхание перехватило. Курт лежал в нише, образованной изуродованными плитами перекрытия. А может, и стен. Те сложились треугольником, образуя крохотное пространство, в которое угодило тело фанен-юнкера, что и спасло ему жизнь. «Замурован. Наглухо, – сообразил тевтон. – Впрочем, раз не задохнулся до сих пор – есть проход для воздуха. Нужно будет только его раскопать! Или дожидаться помощи. Однако...»

Осторожно попытался передвинуться чуть правее, где в получившемся закутке было чуть больше свободного места. Это удалось не без труда, поскольку за то время, пока он был без сознания, тело затекло, и каждое усилие вызывало острую боль в мускулах. Но сейчас движение – жизненная необходимость. Иначе можно лишиться конечностей...

Наконец удалось сесть и даже отщелкнуть шлем. Тот был весь в крошке изоляции, но цел. Впрочем, радости особой это не прибавило – рация, которую он перед бегством с крыши повесил на пояс, превратилась в пластмассовую труху. Курт снова надел бронированный головной убор. Затем переключил забрало в тепловой режим и сразу заметил движение воздуха – крохотное отверстие прямо перед ним, внизу. Труба! Юноша приник к ней, и тут же почувствовал легкую циркуляцию. Уже хорошо!

Вспомнив, что на нем боевой пехотный костюм, а не скафандр космолота, Курт торопливо открыл небольшой кармашек сбоку и вытащил катушку с тонким световодом. Затем осторожно стал пропихивать его в дыру, предварительно подсоединив другой конец к штатному разъему шлема. Медленно. Страшно медленно! Но зато видно было отлично. Всю внутренность трубы. Пока. Провод продвигался наружу буквально миллиметрами. Но – продвигался.

Сколько времени ушло на то, чтобы протолкнуть его до конца, Курт даже не засекал, поглощенный попыткой узнать, что творится снаружи, за завалом. Наконец забрало начало светлеть, это глазок на конце световода приблизился к месту, куда уже попадали лучи солнца. А еще через миг пришлось зажмуриться и подождать, пока глаза привыкнут. Картинка была на изумление четкой и яркой, затем юноша проклял тевтонскую техническую мысль, поскольку то, что он увидел, чуть не вывернуло его желудок наизнанку...

Курт стиснул краешек трибуны, на которой стоял перед Комиссией, с такой силой, что пальцы побелели, а из-под ногтей проступили капельки крови. Как? Как ему рассказать о том, что увидели его глаза?! Он не мог смаковать чудовищные подробности разделки живых кнехтов и пожирание их негерами. Поведать Братьям о процессе сдирания заживо кожи с захваченного в плен Юргена, единственного офицера, с которым успел познакомиться в форте... Уловив его колебания, седой Инквизитор, тот самый, который отправил его на люгер, предупредительно вскинул иссохшую ладонь:

– Господин фон Вальдхайм, прошу вас рассказать о том, что вы видели собственными глазами. Но без кулинарных изысков аборигенов Фобоса.

Фанен-юнкер благодарно кивнул и вновь заговорил, предварительно глотнув воды из стакана...

Несколько негеров занимались тем, что подтаскивали к месту процедуры пиршества носилки с высохшими, напоминающими едва ли не мумии, телами в пышных одеждах и аккуратными рядами устанавливали их на земле. Было видно, что носильщики сильно напуганы. Их подгонял толстый, раскормленный чернокожий в точно таких же одеяниях, как и у засохших. После того как процедура раскладки тел была закончена, к носилкам подтащили пленных. Потом им рубили головы так, чтобы кровь, бьющая из обрубков тел, омывала лежащих. Пройдя страшное омовение, высохшие вдруг начали оживать, превращаясь в нормальных людей! Если, конечно, людоедов можно было назвать людьми...

А затем появились чужаки. Так их назвал Курт. Они явно не относились к аборигенам. Во-первых, их кожа была неестественно белая, с какой-то синевой. Круглые, покрытые короткими светлыми волосами черепа с острыми ушами, большие вытянутые глаза. Помедлив, тевтон все же сделал несколько снимков неизвестных встроеной в шлем кстати ожившей камерой. Пришельцы были одеты в непривычного покроя форму синего цвета с золотыми, а может, позолоченными пуговицами, короткие ботинки с чуть загнутыми носами. Еще юнкера удивил следующий факт: все альбиносы были мужчинами, без сомнения, но вот борта их кителей застегивались по-женски, справа налево. Голосов было не разобрать, естественно. Но по артикуляции узких губ тоже стало понятно, что они явно не с Фобоса. Но откуда тогда?!

Стиснув зубы изо всех сил, Курт следил за тем, что происходит снаружи. За всем, что мог увидеть, понимая, что, если он доберется до своих живым, полученным сведениям не будет цены. Видел и пресловутых элевфантов, оказавшихся огромными, чуть ли не в два человеческих роста, животными с длинными, словно труба, носами. Они приводили в движение громадные корпуса из неизвестной брони, установленные на примитивные колеса. Но глаза сами соскальзывали на гору обглоданных костей, остатки внутренностей и отрубленные и вскрытые головы, из которых людоеды выковыривали мозг. На то, что раньше было кнехтами и рыцарями, шрехтами и тевтонами. Смерть уравнила всех, и высокородных настоящих людей, и аборигенов с Тевтонии...

Наконец светило стало опускаться к горизонту, и фанен-юнкер уже не смог различить деталей того, что творилось в захваченном врагами форте, несмотря на все совершенство техники. В его пещерке стало темно, а тратить крохи энергии на подсветку не хотелось. Слишком много ценной информации требовалось сохранить, а главное – доставить к своим! И особенно – о неизвестных до этого момента чужих. Скорее всего именно они стоят за спиной местных племен, натравливая их воинов на тевтонские посты и городки. Так что... Пожалуй, стоило просто отдохнуть до утра. А там – будет видно. Негеры не станут дожидаться сил возмездия и наверняка очень быстро покинут развалины, в которые превратился форт. Так что...

Курт оказался прав. Несколько раз его будило дрожание земли и пыль, сыплющаяся с плиты, служившей потолком. На взрывы это не было похоже, а в оптоволокну парень смог заметить только какие-то неясные силуэты на фоне пожарищ. Отступая, враги подожгли строения, и теперь линзу, венчающую конец проводника, просто засвечивало. Но ясно было одно: негеры отступали. Первым побуждением было начать пробиваться наверх, но, как этого ни хотелось, юноша все же сообразил, что спешка ничего не даст. Лучше дожидаться, пока солнце не осветит его убежище через трубу хотя бы узким пучком лучей, а в их свете уже начинать заниматься работой...

Готфрид цу Лансдорф окинул еще дымящиеся развалины злым взглядом. Он уже знал, что увидит, когда их цеппелин сядет: сожженные дотла строения, груды обломков сложнейшей техники и... остатки трапезы людоедов. И вновь никого живого, кто мог бы поведать о том, что произошло. Почему отсталые, примитивные негеры смогли легко захватить укрепленный лагерь, оборудованный по последнему слову науки и техники Тевтонии? Все записывающие устройства и регистраторы, как правило, были пусты. Словно с их памятных ячеек кто-то очень умелый стер несколько часов существования в природе. А свидетелей просто не было. Никогда. Не оставалось.

Старый воин стиснул кулаки в бессильной злобе. «Нюхачи», умные машины, были бесильны взять след. Разведка с воздуха тоже не приносила никаких результатов. Вытоптаный след от нападавших отрядов доходил до ближайшей рощи, затем исчезал. Словно враги

растворялись в воздухе, или улетали на каком-нибудь воздушном корабле, чего не могло быть по определению. Так что, несмотря на то что уничтожался уже шестой форт, у Ордена не было ответа на три главных вопроса: кто, как и почему?

Дирижабль плюхнулся на землю брюхом, вздымая кучи пепла в воздух. Глухо бухнула о плиты аппарель, по которой хлынули закованные в доспехи кнехты с оружием наперевес. Тут же из раскрытого проема взмыли в воздух беспилотные машины-сыщики. Они почти мгновенно набрали высоту и устремились на север вдоль вытоптанной ногами людей и элефантов тропе. Следом за ними покатались, шустро перебирая своими четырьмя лапами-колоннами шесть охранных роботов.

Наконец и Брат вышел из дирижабля. Когда связь с фортом прекратилась, что сигнализировало о нападении и гибели поселения, сразу была отправлена специальная команда. Но как назло вместо стандартных десяти часов дорога заняла почти сутки из-за погоды. И самое обидное – не было связи с космопортом. Едва цеппелин вышел за пределы охранной зоны порта, как тут же навалились дикие помехи, словно на солнце разбушевалась неимоверной силы электромагнитная буря. И всю дорогу не было никакой возможности переговорить со штабом, чтобы отправили спасателей самолетом, так как неожиданно двигатели потеряли почти шестьдесят процентов мощности и никакие старания механиков не принесли результатов. Так что...

Ни на что не надеясь, Готфрид буркнул под нос младшему офицеру:

– Вилли, прощупайте тут все биосканерами. Может...

Договорить фразу Брат не успел. Откуда-то из-под земли с шипением и воем вырвалась тревожная ракета из аварийного комплекта пехотного бронескафа. И первое, что пришло в голову Лансдорфу, – кто-то все же чудом уцелел. И тайнам Фобоса пришел конец...

Глава 4

Инквизитор сделал небольшой глоток из простого деревянного кубка и вопросительно взглянул на Брата, начальника Комиссии по расследованию.

– Ваш вердикт?

Бенедикт фон Армштадт вздохнул:

– С одной стороны, сей юноша нам сильно помог. С другой стороны... Он узнал слишком много, и одновременно – ничего.

Сидящий справа от него дознаватель встрепенулся:

– Прости, Брат, но я с тобой не согласен. Мальчишка догадался включить камеру. А это стоит больше всех его рассказов. Теперь ясно, что силы колдунов Фобоса не беспредельны! Противостояние нашим орудиям и нашим реакторам высасывает из них жизнь и силы. Если нам удастся увеличить огневую мощь фортов, то никаким вуку-вуку больше не выдержать шквал стали! Их элфранты станут уязвимыми.

– Это понятно... – Бенедикт вновь вздохнул. – Проблема в другом. Они умудряются высасывать энергию из всех наших батарей, аккумуляторов и даже из реактора. Вот что страшно! Как противостоять подобному? Орден не хочет терять людей в рукопашных схватках. Безумие негеров знакомо всем нам!

Все замерли, осмысливая услышанное. Да, фон Армштадт прав. Воины Черной планеты перед боем употребляли одурманивающий напиток, становясь нечеловечески сильными и храбрыми. Несколько боев показали их превосходство над кнехтами, даже вооруженными по последнему слову техники Тевтонии. Инквизитор шевельнулся, привлекая к себе внимание.

– Братья, успокойтесь. Позвольте мне кое-что рассказать. Только что, перед самым заседанием Комиссии, я получил разрешение Конклава поведать вам кое-что. Впрочем, прошу всех принести клятву на Святой Библии, что услышанное вами не выйдет за пределы сего помещения до особого разрешения Святой Инквизиции. Кто не желает связывать себя обещанием, может покинуть комнату.

Трое присутствующих переглянулись между собой, затем согласно кивнули. Толстого томика, переплетенного в кожу, коснулись мужские ладони, голоса в унисон произнесли слова клятвы. Дождавшись, пока ритуал окончится, Петр Молот Ведьм, так звали представителя Инквизиции, начал свою речь:

– Братья, во имя Господа нашего и Пресвятой Девы Марии... Наши лаборатории уже давно, с самого начала Крестового Похода очень тщательно изучают все связанное с негерами. Так, нам удалось раскрыть секрет их воинского напитка. Да, он придает силу, снимает боль, дает бесстрашие. Но! Расплата за это – очень велика! Потом приходят страшная усталость и боль. Раны заживают гораздо хуже и дольше. Кроме того, при регулярном употреблении сия жидкость вызывает привыкание. Без нее уже невозможно обходиться, и с каждым разом дозы питья становятся все больше и больше. Это первое. Далее... Наши кнехты все же способны противостоять их солдатам. Но при единственном условии: на них не должно быть ничего, использующего электричество. То есть обычные доспехи из пластоброни, самое простое примитивное пороховое оружие, без электроники, к которой мы так привыкли. Естественно, мечи или сабли, против их копий, ассегаев. Ручные гранаты. Тогда мы справимся. И такое вооружение уже создано в лабораториях Святой Инквизиции. Но не это главное. Основная проблема – их колдуны. С одной стороны, куда как просто совершить рейды по деревням и городам Фобоса, нанести точечные удары десантом или ракетами с орбиты. Но с другой... Жизнь негеров зависит от существования колдунов. Почему? Это пока для нас остается секретом. Мы провели эксперимент, вывезя в одну из пустынь целое племя. Пока с

ними был вуку-вуку, племя обустроилось, начало охоту и даже стало расти. Но как только мы убрали от них колдуна, буквально в течение месяца не осталось никого живого. Последним умер сам вуку-вуку, находящийся в камере. Об этом эксперименте было доложено Великому Магистру. Совет Ордена долго думал, но все же не пошел на геноцид. А уничтожение колдунов ведет именно к вымиранию населения Фобоса. Так что нам предстоит гораздо более тяжелое бремя борьбы с язычниками и нехристями, чем мы планировали.

Бенедикт шевельнулся:

– Поход не был бы Крестовым, если бы был столь легким. Ибо какая честь и слава в том, что дается без труда и жертв?

– Даже жертв не должно быть много. Жизнь каждого Брата бесценна. Нет, я не правильно выразился... – Дознаватель перевел дух и продолжил: – Жизнь каждого гражданина Тевтонии бесценна. Но нельзя ставить принципом сохранение жизни любым путем, если интересы Ордена требуют умереть.

Молот Ведьм одобритительно хлопнул в ладоши.

– Отлично сказано, Брат! А главное – истинно. Но давайте решим вопрос с нашим фанен-юнкером. Нечего ему томиться в ожидании. Он еще далеко пойдет, поверьте... – Снова сделал глоток прохладной воды. – Предлагаю следующее: первое, взять с него клятву о неразглашении увиденного. Второе, поскольку мальчишка умудрился выжить и донести до нас бесценные сведения, присвоить ему следующее звание и вернуть во флот.

– Я против, Брат-инквизитор. – Бенедикт беспокойно заворочался в кресле. – На корабле ему станут задавать слишком много вопросов. И не факт, что малыш сможет выдерживать их. Посему предлагаю пока оставить его на Фобосе. Тем более что Лансдорф хочет заполучить его к себе в ягд-команду.

– Сам цу Лансдорф? Тогда возражений нет. А вообще, Братья, предлагаю подумать над предложением Великому Магистру о создании особой команды из офицеров, умеющих действовать и на земле, и в космосе.

– Стоящая идея! Тогда так и постановим. Фон Вальдхайма перевести на время в ягд-команду, а по получении вердикта Магистра Ордена, в случае положительного решения о создании специальных частей, направить туда. В случае же отрицательного – пусть мальчишка повоюет годик-другой, а там посмотрим. Все согласны?

– Во имя Господа нашего и во славу Его. Аминь!

Все поднялись и утвердительно кивнули, скрестив на груди руки в знак согласия. Затем вновь заняли свои места.

– А что с новыми шрехтами, которых увидел мальчишка?

– Мальчишка? Впрочем, Братья, мы с высоты нашего возраста можем назвать Курта и так. Брат Молот Ведьм, почему вы так много уделяете внимания этому молокососу? Не поведаете?

Изрезанное морщинами лицо Инквизитора посетила легкая улыбка:

– Брат-дознаватель... Вы пытаетесь увести разговор в сторону, поскольку ваше ведомство уже предпринимает попытки начать поиски от себя?

Тот смутился. Неожиданно яркий румянец проступил на загорелом лице.

– Не смущайтесь, Брат. В этом нет ничего страшного. Просто Святая Инквизиция не уверена, что вы что-либо обнаружите. Наши астрологи и космогониты считают, что эти шрехты не относятся к коренным жителям Фобоса. Впрочем, несмотря на то что наш Поход длится уже почти десять лет, пока никому, кроме нас, не удалось что-либо разузнать о чернокожих. – Инквизитор усмехнулся. – Вам не приходила в голову простая мысль, Братья, скажем, о том, что мы не одни?

– В смысле? – не понял Бенедикт.

– Смотрите... Есть Новая Тевтония, на которой живем мы. Почти тысячу лет назад наши предки пришли в этот мир и покорили его во славу Господа и Девы Марии. Едва мы вышли в космос и обнаружили еще одно пригодное для жизни место, как выяснилось, что там живут черные шрехты. Две планеты. Два обитаемых мира. Почему бы не предположить, Братья, что эти вот остроухие – тоже с какой-то другой планеты, находящейся не так далеко от нас? Не обязательно в нашей звездной системе.

– Это ересь! Не будь вы, Брат, самым Молотом Ведьм, я бы обвинил вас перед Божиим Судом!

Инквизитор вновь слегка скривил губы.

– Брат Бенедикт, вы, конечно, истинно верующий. И даже принадлежите к партии Крестоносцев, то есть считаете, что Приход Ордена на Новую Тевтонию – Испытание, ниспосланное нам свыше. Испытание, долженствующее доказать, достоин ли Орден нести Слово Божье и Веру иным мирам. Так?..

Фон Армштадт медленно кивнул в знак согласия.

– Мы, Инквизиторы, являемся хранителями многих и многих реликвий, пришедших к нам с еще мифической Земли. Да-да! Земля, родина наших предков, – не миф, а реальность, Братья! Реальность! Так вот... Что-то я отвлекся... – Инквизитор вновь глотнул воды из своего кубка, перевел дух. – Среди этих реликвий есть и древние, очень древние записи одного из членов той группы воителей, которая не принадлежала к Ордену, но которые «знали». Святых Двадцати Пяти⁸... – Так вот, Братья... Сей «знающий» написал воспоминания о Земле, спеша изложить нашим потомкам, а также нам, все то, что он помнил. И среди записанного им, вашим предком, кстати, господин фон Армштадт, есть описание людей, подобных увиденным Куртом. Причем, Братья, одна особая примета дает нам возможность уверенно считать этих светлокожих чужими как Фобосу, так и Тевтонии. А, следовательно, где-то в пространстве есть планета, населенная ими.

– Значит?..

– Да, Братья. И поскольку чужие проникли на Черную планету и, как теперь мы точно знаем... – Инквизитор выделил последние слова интонацией: – ...они помогают негерам в их кощунственной борьбе против Слова Божьего и Истинной Веры, то нас ждет новый Крестовый Поход!

Бенедикт фон Армштадт даже охнул, услышав это утверждение.

– Почему?!

– Если бы они веровали в Истинного Бога нашего, Иисуса Христа, то тогда бы помогали нам нести Слово и Веру. Но сии альбиносы помогают язычникам противостоять Святому Кресту! Следовательно, они сами идолопоклонники и еретики! Посему, когда придет время, Братья, а оно придет, я *знаю*... – Все почтительно склонили головы. – Нас ждет новый Крестовый Поход во Славу Девы Марии!..

Курт сидел в практически пустой комнате, куда был препровожден сразу после доставки с Фобоса и где провел уже неделю. Деревянный топчан, накрытый тощим одеялом. Круглое полено вместо подушки. Ни одного окна. Впрочем, и этого больше чем достаточно. Тевтону не привыкать к суровым условиям. В Академии бывало гораздо хуже. Куда тяжелее неизвестность... Можно привыкнуть ко всему: к холоду, голоду, невесомости и даже смерти. Но вот неимоверная тяжесть неизвестности дальнейшей судьбы – это страшно. Что его ждет? Костер или каторга? Пожалуй, второе намного хуже. Его лишат титула, изгонят из рядов истинных людей и отправят на рудники, где он станет шрехтом. Сколько быв-

⁸ Двадцать Пять – данным термином обозначили людей из будущего, которые попали на Тевтонию одновременно с Орденom.

ший истинный тевтон сможет протянуть, рубя непослушную породу кайлом? Пять лет? Три года?..

Дверь чуть слышно скрипнула, раскрываясь, и юноша вскочил, готовый принять любое решение.

– Фон Вальдхайм, на выход!..

Два конвоира, как обычно. Но в этот раз ему не стали надевать кандалы, только наручники. Поэтому путь в комнату, где заседала Комиссия по расследованию, прошел быстрее, чем обычно. Массивные створки разошлись в разные стороны, и он предстал перед сидящими за трибуной Братями. При виде его старший сделал знак, и конвоиры предупредительно поспешили снять с рук оковы. Как только процедура была завершена, оба кнехта отдали честь и вышли прочь.

– Присаживайтесь, юноша... – Брат-инквизитор сделал разрешающий жест.

Да, в зале появился еще один предмет – старинного фасона стул с высокими боковыми стенками и без спинки. Курт осторожно сел на него, сложил руки на колени, напрягся – сейчас решится его судьба!

– Итак, рассмотрев все аспекты вашего дела, Комиссия постановила следующее. Первое. Вы, господин фон Вальдхайм, действовали абсолютно правильно в сложившихся обстоятельствах. Посему вам не будет предъявлено никаких обвинений. Наоборот, Комиссия считает себя обязанной предоставить вам полное офицерское звание.

Горло перехватило, и осипшим голосом парень едва смог вытолкнуть из него положенные слова:

– Во славу Господа нашего и Пречистой Девы Марии!

– Не спешите благодарить, господин фон Вальдхайм. Это не все. Вы должны хранить тайну об увиденном на Фобосе. Особенно – о тех неизвестных шрехтах. В случае разглашения вас казнят незамедлительно.

– Понимаю.

Все сидящие удовлетворенно закивали головами.

– Отлично! Тогда вы понимаете и то, что мы не можем вернуть вас на люгер?

У Курта снова от обиды перехватило горло. Неужели его засунут в дальний гарнизон?!

– Посему мы направляем вас туда, где вам не станут задавать лишних вопросов. Тем более, что вы уже знакомы с ними. Комиссия по расследованию направляет вас, юнкер фон Вальдхайм, в распоряжение ягд-команды Готфрида цу Лансдорфа.

– Во имя Господа нашего и во славу Его!

Курт порывисто вскочил, щелкнул каблуками сапог. Это... Это счастье! Он полностью оправдан, получил следующее звание! Пусть на нем обет молчания, зато... Зато... О, об ягд-командах слышаны были все! Мрачноватый и жуткий ореол славы окружал солдат в пятнистых хаках с темно-зеленой оторочкой обшлагов и рукавов. Для этих ребят не было невозможного! Поговаривали, что если Гроссмейстер пожелает получить на обед любую из двух лун, висящих в небе Тевтонии, то ему достаточно будет отдать приказ ягд-команде, и все будет сделано...

– Лейтнант фон Вальдхайм! Получите документы, вещи, обмундирование, и можете быть свободны. – Петр Молот Ведьм словно припечатал сказанное, хлопнув широкой ладонью по крышке Святого Писания.

Все встали и склонили головы в знак уважения. Затем члены Комиссии повернулись и вышли в дверь, скрытую занавесом за их спинами. Юноша остался один. Но его одиночество продлилось всего несколько мгновений. Снова распахнулись створки за спиной, только на этот раз в помещение вошли не конвоиры, а девушка в форме кнехта. «Симпатичная!» – отметил про себя Курт. Но потом взглянул ей в глаза, и по спине пробежал легкий озноб: они были холодными, словно у змеи...

– Господин лойтнант, следуйте за мной.

Повернулась и двинулась прочь, слегка покачивая бедрами. Но на Курта эти движения не произвели никакого впечатления. Уж больно не соответствовали они ни внешности, ни характеру девушки, прописанному на готически правильном личике. Словно голем в образе человека...

После короткого пути по мрачным коридорам Цитадели они вошли в комнату, где Курту вручили его форму, с уже пришитыми к ней новыми знаками различия. Стандартный новенький армейский несессер с личными принадлежностями, старый исчез после налета партизан в разгромленном форте. К удивлению и радости юноши тут же оказались и вещи, оставленные на люгере. Ничего не пропало. Впрочем, в Ордене о воровстве забыли почти семьсот лет назад. История даже сохранила имя последнего воришки, казненного колесованием, только вот сейчас оно вылетело из головы парня, что, впрочем, было неудивительно. Затем – оружие и кортик дворянина. Толстый пакет с бумагами.

Когда Курт оделся, девушка вновь открыла рот. И это было жутко. Только губы шевелились на абсолютно неподвижном лице. Да еще ее монотонный, чуть глуховатый голос:

– Распишитесь здесь.

Она подвинула журнал, отметила аккуратно подстриженным ноготком нужную графу. Дождавшись, пока новоиспеченный полный офицер поставит свой росчерк, захлопнула томик, вновь перевела взгляд на юношу.

– Господин фон Вальдхайм. Вы немедленно направляетесь в космопорт-два, где сядете на указанный в сопроводительных бумагах транспорт. По прибытии на Фобос явитесь в распоряжение господина цу Лансдорфа, у которого продолжите дальнейшую службу. Вам все ясно?

– Так точно!

– Свободны. – Она взмахнула рукой.

Курт рванул из комнаты чуть ли не бегом, подхватив свои вещи. Помимо ледяной внешности у готической блондинки было еще кое-что, внушающее ужас любому тевтону – серебряные молнии в петлицах и скрещенные молоты на шевроне рукава. Зондер-команда Святой Инквизиции. Как правило, ее членов видели вживую только те, кого они казнили...

На небе сияло светило. Яркое, огромное. Зелень живых изгородей, высокие пирамиды тополей, рвущихся в сочное темно-синее небо с белоснежными облаками. Курт, прищурившись, взглянул на высящуюся над Гроссбургом статую Девы Марии. Матерь Божья была изваяна из целой скалы, и красноватого оттенка гранит придавал ей особое очарование и величественность. Гениальный скульптор смог передать все оттенки обычного человеческого чувства – гордости за сына, Иисуса Христа. За его страдания, которыми он искупил грехи людские.

Чуть помедлив, юноша решительно двинулся к остановке городского транспорта, находящейся на другом краю площади Перехода. Ждать пришлось недолго – в Гроссбурге трамваи ходили точно по расписанию. Впрочем, как и весь общественный транспорт на планете. Порядок, вот что было краеугольным камнем в организации Ордена. Четкая иерархия, дисциплина, исполнение уложений и законов. И никто даже помыслить не мог, чтобы нарушить правила, по которым жило население Новой Тевтонии. Так и тут, ровно через четыре минуты, согласно расписанию, висящему над голографической табличкой, подкатил высокий двухвагонный трамвай.

Новоиспеченный юнкер привычно поднялся в первый, на котором красовался знак Креста. Это означало, что данные места предназначаются для *людей*. Для шрехтов служил задний вагон, попроще. Без кондиционирования воздуха, да и сиденья там были, в отличие от мягких кресел первого, из простых металлических секций. Впрочем, практически любой

шрехт мог изменить свое положение в обществе. Статус полного гражданина Ордена давался военнотружущим, выходящим на пенсию, членам их семей либо тем, кто мог достигнуть высот в науке или искусстве. Так что рождение в семье аборигенов планеты еще не ставило точки в карьере шрехта.

Однако достаточно легко совершался и обратный процесс: лишиться статуса гражданина или аристократа тоже не составляло труда. За совершенное преступление, за неисполнение воинского приказа, за никчемность, отказ от воинской службы. И не один бывший аристократ уже изведал на своей шее тяжесть закона. Ибо сказано в мудрых книгах: «Закон суров, но это – закон...»

Юноше повезло – он успел купить цветы на остановке. Как и положено, безупречно белые. Именно такие должны возлагать благодарящие Деву Марию в знак уважения к ее чистоте и непорочности...

После того как букет лег к ногам статуи на специальный помост, предназначенный для подношений, Курт отступил назад, взял из держателя тонкий войлочный коврик. Постелив его на чистые, тщательно выскобленные каменные плиты, юноша снял форменный головной убор, аккуратно сложив, сунул, согласно уставу, под погон. Затем, преклонил колени и стал молиться. Времени у него было достаточно, и опоздать к месту отправления транспорта Вальдхайм не боялся.

Время в благодарности к Деве пролетело незаметно, и когда наконец молитва была окончена, пришлось поспешить. Аккуратно вернув коврик на место, юноша уже бегом устремился к остановке, чтобы отправиться на станцию орденского экспресса. Впрочем, небольшой запас времени у него еще был, так что можно было не волноваться. И когда молодой человек уже устроился в купе, а состав плавно тронулся, постепенно, но мощно набирая скорость, юнкер впервые после возвращения с Фобоса ощутил, как на него снисходят покой и умиротворение...

– Что желает господин?

Курт открыл глаза. В дверях купе стояла очередная обслуживающая вагоны шрехта-отпущенница в положенном законом уродливом головном уборе.

– Воду Грайнсфельда и ветчину.

Звякнули колокольчики на склоненной голове, девушка повернулась, собираясь идти исполнять приказ, но неожиданно для себя тевтон выпалил:

– Подожди.

Та послушно замерла и вновь повернулась к нему лицом.

– Что-то еще, господин?

Курт покраснел, потом все же выговорил:

– Ты можешь снять свой дурацкий колпак?

В принципе ничего страшного в этой просьбе не было. Некоторые пассажиры специально просили обслуживать их в обычной одежде, поэтому юсави⁹ послушно кивнула и обнажила голову. Юноша внимательно рассмотрел шрехту.

– У тебя красивые волосы. Распусти их, пожалуйста.

Вновь согласный кивок, тяжелый пучок на затылке распался, и к ногам девушки упала густая волна длинных, до самого пола вагона, светлых волос.

– Спасибо. Можешь идти.

Та послушно поклонилась и вышла из купе, на ходу подбирая волосы и укладывая снова в прическу, а Курт откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза, наслаждаясь покоем и мощным движением состава...

⁹ Юсави – буквально: «женщина, не имеющая детей», девушка (язык аборигенов).

Глава 5

Жаркое светило вновь обожгло лицо юнкера, когда он вышел из лифта. В прошлый раз тевтон попал на планету ночью, день провел в кондиционированном воздухе цеппелина, а следующую ночь – в бою. В этот же раз база принимала его в полдень. Едва Курт оказался на пластобетоне покрытия, к нему шагнул крепкий гауптман в положенном по штату пятнистом комбинезоне:

- Курт фон Вальдхайм?
- Так точно, господин...
- Без чинов и званий, лейтнант. Можете звать меня Кугелем.
- Так точно, господин Кугель.
- Тот смерил новичка взглядом, потом усмехнулся:
- Пока тебя будут звать Грюном. А там – заработаешь себе достойное имя. Понятно?
- Так точно, господин Кугель!..
- Тогда хватай свои шмотки и пошли.

Гауптман развернулся и, не дожидаясь, пока юноша спохватится, двинулся к небольшому вездеходу на воздушной подушке, застывшему возле края приемной платформы орбитального лифта. Литиевый двигатель мягко зашипел, тут же с гулом замолотили, рассекая воздух, огромные пропеллеры под мягкой «юбкой». Машина плавно поднялась в воздух, взметая тучи непонятно откуда взявшейся пыли на буквально вылизанном до блеска плацу. Чуть накренилась, делая разворот, и... Курт едва успел придержать на коротко стриженной голове форменную кепку, чтобы ее не сдуло ветром. Кугель оказался сумасшедшим, разогнав «лоханку» на коротком участке почти до ста миль в час. Воздух буквально разрывал легкие раскаленным напором. К счастью, это продолжалось недолго. Через несколько минут машина сбросила скорость, поскольку впереди возник пост охраны.

- Предъяви карточку.
- А?.. Понял.

Курт засуетился, выискивая в кармане документ, удостоверяющий его личность. Зеленый лучик сканера мгновенно пробежал по поверхности серого квадрата, затем срисовал рисунок сетчатки. Мягкий разрешительный звук рога, шлагбаум взмыл в воздух, погасло силовое поле, и Кугель вновь втопил педаль акселератора в пол. Дальнейший путь слился в памяти молодого тевтона в сплошной кошмар: свист рассекаемого ветра, сумасшедшие прыжки, тряска и непонятные удары по корпусу. Курт совсем было потерял ориентацию и ощущение времени, когда машина вдруг резко затормозила. Гауптман вновь взглянул на юношу и вдруг рывкнул:

- Выходи из машины!

Тело выполнило команду инстинктивно. Практически мгновенно Курт оказался за низким бортиком транспортного средства, очутившись посреди бескрайней степи, поросшей незнакомой травой. Гауптман между тем осмотрелся, перегнулся назад, вытащил из-под сиденья рюкзак и бросил его к ногам юноши.

- Держи, парень, у тебя трое суток. Через семьдесят пять часов ты должен быть в точке, отмеченной на карте. Дойдешь – твое счастье. Нет – значит, к службе в ягд-команде не пригоден.
- А?!

Клубы пыли вырвались из-под днища машины, ослепляя Вальдхайма. Когда же ему удалось протереть глаза, перед ним никого и ничего не было, кроме голой степи.

- Проклятье! – вырвалось у парня. – Это же...

Его бросили. Одного посреди планеты, в окружении врагов, неизвестных хищников, абсолютно потерявшим ориентацию на местности! Курт спохватился, нагнулся к лежащему у ног тощему рюкзачку, открыл магнитную застежку, начал разбираться. Сухой паек на одни сутки. Таймер. Уже, кстати, запущенный на обратный отсчет. Вода. Правда, немного, чуть больше литра. Громадный, жуткого вида нож. И... комбинезон. Настоящий пятнистый хак вместе с обувью. Компас-указатель. Лист бумаги. Его Курт изучил особенно внимательно:

«Господин лейтенант!

В настоящий момент вы проходите экзамен на профессиональную пригодность к военной службе в частях особого назначения. Если вы доберетесь до базы за указанное время, то будете считаться годным для прохождения специальной подготовки. Если вы опоздаете, то будете возвращены на прежнее место службы. В случае гибели вас будут считать провалившим проверку. Ваша семья будет извещена о вашей смерти. Генерал-фельдмаршал Готфрид цу Лансдорф».

– Ну ничего себе!.. – только и смог вымолвить юноша, выронив от неожиданности листок, тут же радостно подхваченный ароматным ветерком. Сколько же они были в пути? По субъективным ощущениям – не меньше часа. Значит, минимум на сотню миль проскочили от базы. Сурово... Прodelать такой путь пешком, да еще уложиться в лимит – всего трое суток? Плюс по абсолютно незнакомой, пересеченной местности, вдобавок напичканной враждебной и незнакомой флорой и фауной, включая аборигенов, которым молодое мясо тевтона сойдет за изысканный деликатес...

Первое, что сделал Курт, это переоделся. К его удивлению, плотная ткань приятно холодила тело, в новой форме было ничуть не жарко. Юноша приободрился. Глоток воды остудил разгоряченную голову и внутренности. Хотелось пить еще и еще, но тевтон вовремя сообразил, что жидкую драгоценность стоит экономить. Пусть наверняка по пути попадутся водоемы, но кто знает, какую заразу можно подцепить от сырой воды незнакомого мира.

Тесак уютно упокоился в ножнах, пристегнутых к бедру. Теперь нужно было сориентироваться. А как? По компасу? Но... «Заберите меня демоны ада со всеми потрохами! Почему не сообразил засечь направление?! Вот же...»

Впрочем, тут Курта осенило: сейчас самая жара, полдень. Долго двигаться при такой температуре не получится. Да и слишком заметен он в саванне. Зоркий глаз сразу засечет его фигуру. Значит, стоит дождаться темноты. А там – свет мощных прожекторов базы, видимый за сотни лиг, укажет направление, куда следует двинуть свои стопы. Ноги у него длинные, нагонит. Тем более что в Академии кадетов тренировали на совесть. Такие дистанции пробегали в полном боевом оснащении!..

Немного успокоившись, Курт осмотрелся по сторонам. Неподалеку, в полумиле, виднелась небольшая рощица – туда он и направился. Во-первых, тень. Во-вторых, там может быть вода. Иначе бы деревья просто не смогли расти. В-третьих, если повезет, то можно разжиться чем-нибудь полезным...

Когда на разгоряченную голову упала первая тень, парень смахнул со лба обильно выступивший пот и облегченно вздохнул. По хаку расплывались громадные темные пятна пота. Солнце, презрев все законы физики, даже не думало начинать спуск к горизонту, зависнув неподвижно в зените и насыщая атмосферу невыносимой духотой.

А это что?.. Тевтон прислушался: нет, ему не показалось. Это точно журчание воды! Юноша осторожно раздвинул колючки густого кустарника и ахнул – перед ним в уютной,

выложенной камнями чаше бил родничок, от которого за десяток мер¹⁰ веяло чудесной, просто волшебной прохладой! Он шагнул было к благословенной воде, но спохватился: водоем выложен камнями! *Выложен!*.. Значит, здесь есть люди. А какие люди живут на Фобосе?.. Лю-до-еды! Рука сама легла на тесак – единственное оружие. Эх, жаль, штатный пистолет остался в аэромобиле. Сопровождающий заставил Курта положить кобуру в ящик панели, да так и не отдал. Впрочем, оно, скорее всего, к лучшему. Так бы понадеялся на мощь огнестрельного оружия, и в результате забыл об осторожности! Зато сейчас, с одним ножом в руках, все чувства обострены до предела...

Чуть прищурившись, тевтон внимательно осмотрелся, особенно вглядываясь в природу непосредственно возле воды. Сломанные ветки, примятая трава, кусочки тканей, черепки, потерянные украшения... Вроде ничего похожего нет. Ладно. Стоит подождать. Тем более что откуда-то появился легкий ветерок, приятно укутавший юношу прохладой от родника. Курт втянул ноздрями воздух. Проклятье! От одежды прет потом. Этак его унюхают за десять лиг! Вот же невезуха! Надо что-то делать. И срочно.

Впрочем, через несколько мгновений его осенило – прямо перед ним рос большой куст с ярко-желтыми плодами, обладающими резким ароматом. Не раздумывая, юноша сорвал несколько штук и растер их в руках, запах сразу заставил заслезиться глаза и чуть не вызвал кашель. Курт быстро намазал кашицей хак, вновь понюхал. Запах пота сразу перебило. Отлично!..

Внезапно хрустнула ветка, и рука тевтона снова легла на рукоятку тесака. Ложная тревога! Из кустов выкатился круглый меховой шарик, забавно фыркнул и устремился к воде. Заметался длинный узкий язычок – животное утоляло жажду. Раз зверь не боится, значит, людей давно нет...

Курт с трудом дождался, пока животное напьется и уйдет восвояси. Время тянулось бесконечно медленно, но вот наконец клубок из меха убрался в густую траву, и тевтон осторожно вышел из-за кустов. Первые глотки едва не заставили разгоряченное тело покрыться инеем, образно говоря. Вода была не просто холодной, а ледяной! Настолько, что даже зубы заломило. Недолго думая юноша опустил металлическую фляжку в воду – остывать, затем нащупал в нагрудном кармане хака головной платок и, намочив, повязал голову. Сразу стало легче. Даже немного прояснилось в мозгу. Очень хорошо!

Курт вытащил из рюкзака тросик со складной кошкой на конце, раскрутил и запустил ее вверх. Подергал трос – порядок, держится крепко. Подходящая рогулька тоже нашлась быстро. Став ногой в петлю на конце канатика, юноша воззвал к Деве Марии и сделал первый оборот с нехитрым приспособлением. Раз... два... три... четыре... Во сколько раз выигрываем в силе, во столько раз проигрываем в расстоянии – старый закон механики. Тем не менее через несколько минут тевтон уже стоял на толстой ветви громадного дерева, у корней которого бил родник. Дальше пошло легче.

Можно было карабкаться по другим ветвям, которые теперь торчали из ствола намного чаще. Легкая, но толстая подошва форменных ботинок сама цеплялась за мельчайшие трещинки и сучки, а сильные руки тянули тело все выше и выше.

Наконец в густой листве появились просветы, а когда юноша глянул вниз, то увидел под собой сплошной зеленый ковер крон. Ему повезло выбрать старшее дерево в роще, самое высокое и сильное. Значит, все пока сделано правильно. Еще ветка, и еще. Вершина уже начала раскачиваться под весом человека, когда тевтон остановился.

Ему кажется, или все-таки так и есть?.. Далеко на западе что-то темнело посреди монотонной зеленой окраски саванны. Может, другая роща?.. Нет, не похоже. Курт прищурился – да. База там! Ему удалось рассмотреть, как нечто невероятно крохотное отделилось от земли

¹⁰ Мера – примерно полметра.

и начало набирать высоту. А затем глаз различил и бесконечные столбы пара охладителей множества литиевых реакторов, вырабатывающих энергию.

Бурная радость охватила Курта, но он поторопился поскорее погасить эйфорию. Все равно спешить не стоит. Лучше дожидаться темноты. Свет прожекторов базы видно за сотни километров. Это куда более верный ориентир, чем то далекое крохотное облачко. Разгоряченный мозг может и обмануться, выдав желаемое за действительное. Так что осторожность превыше всего. Тем более что пока можно и отдохнуть перед долгой и тяжелой дорогой...

Спускаться оказалось намного труднее, чем подниматься. Впрочем, на поверхность юноша не собирался. Он искал дупло, которое, как он помнил, видел по пути наверх, либо достаточно широкую ветку, чтобы можно было на ней растянуться. И вскоре подходящая попалась. Даже со слегка уплощенной поверхностью, обращенной вверх. Согнув несколько более тонких отростков, парень соорудил нечто вроде завесы, укрывающей его от постороннего взгляда, затем привязался к стволу тем же тросом, с помощью которого забрался на дерево, и смежил веки. Удастся уснуть или нет – неизвестно. Но вот расслабиться, вознести молитвы Деве Марии он может...

Сознание включилось мгновенно. Но что заставило так резко очнуться? Темнота? Нет. Курт вспомнил: дикий визг смертельно раненного существа. Кто же это? Зверь? Человек?! В чернильной густоте ночного неба сияли спирали туманности и спутники планеты. Но самое главное, там, где Курт днем видел то, что посчитал базой, стоял громадный даже отсюда световой столб. Значит, все было верно. И возникшая перед взором картина не являлась продуктом обманувшегося мозга. Тевтон тщательно засек азимут по крохотному компасу. Теперь можно и спускаться. Только не здесь. Внизу что-то есть. Точнее, кто-то. Так что... Спутники планеты и пылевые облака дают достаточно света, чтобы пусть медленно, но можно было проделать путь по деревьям...

Ноги ударились о почву. Спружинив коленями, юноша выпрямился, держа в руке тесак. Осмотрелся, вроде никого. Он даже успел перекусить сухим пайком и сделать несколько глотков воды, пока продвигался к краю рощицы. Отблески прожекторов служили отличным ориентиром, так что можно было пока не доставать компас. Вздыхнув, Курт зашагал прочь от рощи, в которой нашел дневное укрытие. Время превратилось в резину. Но еще до рассвета стоило найти укрытие, чтобы затаиться...

Через сутки базу уже можно было разглядеть, не забираясь на деревья. Оставалось пройти немного – может, миль пятнадцать или шестнадцать, когда произошло самое неприятное.

Все началось с того, что путь преградила река. Не такая уж большая, зато – глубокая. Поразмыслив, молодой человек решил подняться немного вверх по течению, рассчитывая, что попадется брод или достаточно большое дерево, которое можно будет свалить через протоку. Переплывать реку Курт не решился. Мало ли какая зараза там водится? Тем более что, несмотря на густую растительность, как ни странно, никакой живности на глаза почему-то до сих пор не попадалось. И это настораживало больше всего.

До этого все время что-то мелькало в траве или в небесах. Если не птица, то какой-нибудь мелкий грызун или травоядное. Здесь же все словно вымерло. Вариантов напрашивалось только два. Первый – всех съел неизвестный, но очень крупный хищник. Второй – охотники выбили всю дичь в округе. Курт почувствовал, как на его стриженной голове начинают шевелиться волосы, поскольку ни один из ответов его не устраивал ни с точки зрения выживания, ни с точки зрения сдачи экзамена. К тому же в воздухе расплылся буквально ощущаемый физически ужас, делая атмосферу вокруг просто невыносимой!

Курт отодвинул особенно густую ветку и ахнул... Слава Богу, про себя! Прямо перед ним на ветвях деревьев были развешаны люди. Шрехты – тут же поправил он себя. Фобосийцы. Все они висели, привязанные за руки, безвольно опустив головы. Впрочем, живые. Время от времени по телам пробегала крупная дрожь, а кое-кто вдруг испускал глухие стоны. Что за...

И тут опытный взгляд солдата определил самое страшное: у всех переломаны кости! Что на руках, что на ногах. Кое у кого и ребра. И это сделали совсем недавно, поскольку висельники еще живы! А значит...

– Мукулеле агамба мганга! – раздался позади, совсем рядом, дикий вопль.

Чисто рефлекторно тевтон присел – и вовремя. Широкое длинное лезвие копья прошло прямо через то место, где только что находилась его шея. Ответ Курта был более удачен. Его тесак с легкостью перерубил кости напавшего аборигена. И тут же отовсюду послышались ответные крики, треск кустов, улюлюканье, топот ног и свист стрел.

«Влип!» – юноша уже скользил между кустов по склону, прямо к жертвам. А то, что подвешенные шрехты были жертвами, сомнений не осталось. Внезапно прямо перед Куртом выросла фигура толстяка, точно такого же, как в разгромленном форте. Именно их высохшие тела орошали там кровью кнехтов. Разукрашенный обильной татуировкой фобосиец воздел было руки к небу, но поздно! Острое лезвие походя вскрыло ему живот. Толстяк, странно всхлипнув, зажал рану обеими руками, пытаясь свести края широкого разреза, из которого вывалились блестящие от жира зеленовато-сизые внутренности. Возвратным движением тевтон чуть изменил траекторию тесака, и мохнатая голова с подпиленными в виде треугольников зубами покатила по земле, раскрыв толстые губы в последней усмешке. Теплая, солоноватая кровь окатила юношу, который продолжил бег, подстегиваемый непрерывными воплями загонщиков, преследующих добычу...

Ветви растений больно били по лицу, но пока парню везло – преследователи явно отставали. Похоже, теперь ему удастся оторваться от местных и потом, наплевав на все предосторожности, совершить рывок до базы. Та была уже совсем близко – иногда сквозь истошные вопли преследователей пробивался гул транспортов, заходящих на посадку.

Проклятые деревья! Их кроны слились в сплошной зеленый ковер, который не давал пилотам увидеть, что творится внизу. Вот же... Внезапно кустарник расступился, и весь облепленный какими-то липкими клочьями непонятного происхождения юноша покатила вниз по косогору, неудачно попав ногой в рытвину. А, черт! Земля, небо, трава – все слилось в сплошной клубок, а потом, к собственному ужасу, тевтон ощутил, как его ноги повисли над бездной.

Рефлекторно он ухватился за первое, что попало под руки, и понял, что висит, уцепившись за корень над глубоким оврагом, на дне которого упокоилось целое озеро черной стоячей воды. Рывок – и мышцы выбросили Курта наверх, чтобы очутиться нос к носу с самым резвым из преследователей. Фобосиец радостно оскалил треугольные зубы, замахинаясь своим необычным копьем, но больше ничего не успел. Пока его рука отходила назад, молодой человек метнулся вперед, впечатав подошву ботинка в живот аборигена. Хрюкнув от неожиданности, черный сложился пополам, а затем лезвие тесака развалило его череп на две идеальные симметричные части.

Да что же у меня за нож такой?! Тевтон не успел додумать мысль, как наверху показались остальные участники погони за сладким мясом. Затравленно юноша оглянулся и не поверил своим глазам – чуть в стороне, прямо через всю промоину лежало огромное сухое дерево, достаточно прочное на вид. Надо успеть! А там уже количество врагов не будет играть никакой роли. Им все равно придется перебегать по одному, и тогда Курт их встретит! Ростом и силой тевтон явно превосходил аборигенов, тем более – у него такой нож...

Решившись, парень бросился к созданному природой мостику. Чернокожие вначале бешено завопили, потом вдруг затихли. Курт бросил в их сторону мгновенный взгляд – потрясая копьями, но молча, аборигены бежали за ним. Но теперь скорость их стала явно меньше. У тевтона появилось ощущение, что преследователи боятся шуметь. А, плевать! Он вихрем взлетел на серый, высохший до звона ствол и надал ходу, лавируя между торчащими вверх сучьями гиганта. Еще немного, еще чуть-чуть... Есть! Под ногами вновь зашуршали сухие листья.

Курт вскочил после переката, поскольку со ствола пришлось прыгать, метнулся было дальше, потом спохватился, вспомнив решение дать местным бой, и замер от удивления. Вся погоня, около тридцати чернокожих, столпилась на той стороне, явно не решаясь ступить на дерево. Чего же они...

Внезапно раздался гулкий звук, затем мощный всплеск, и юноша вздрогнул от ужаса: снизу, прямо из темной воды выметнулось нечто! Скользкое, обтянутое полосатой гладкой кожей серо-зеленого цвета, с узкой алой бахромой по краям бесконечно длинного тела, чудовище вздыбилось из глубины озера. Его зубастая пасть повернулась в сторону застывшего в испуге тевтона, но затем, видимо что-то уловив или унюхав, монстр молниеносно изогнулся и метнулся к замершим неподвижно аборигенам. Тем уже ни к чему было соблюдать тишину, и к небесам вознесся вопль, наполненный просто нечеловеческим отчаянием и ужасом, а затем даже через овраг в сотню мер явственно послышался хруст перемалываемых длинными, в рост человека зубами, костей. Что было дальше, Курт уже не видел – ноги сами несли его прочь от проклятого места...

Он подбежал к силовой ограде, опоясывающей базу. Охранные роботы встрепенулись, поднимая из-под брюха строенные крупнокалиберные стволы, но больше ничего не предприняли, поскольку парень резко остановился, наконец-то придя в себя после случившегося. Теперь он понимал, какому кошмару Фобоса были приготовлены жуткие жертвы.

Покрутил головой, ориентируясь в поисках будки, обозначающей проход. Слава Деве Марии, та была совсем рядом. Все время оглядываясь по сторонам, поскольку именно в такие моменты обычно человек расслабляется и попадает в смертельные неприятности, Курт добрался до невысокого квадратного строения, покрашенного в черно-белую полоску. Снова осмотрелся и, убедившись, что поблизости никого нет, откинул узкую шторку встроенного в караулку сканера. Дождался, пока зеленоватый лучик пробежит по его глазам. Механизм удовлетворенно пискнул, затем механический голос поинтересовался личным номером тевтона. На секунду пришлось задуматься, вспоминая цифры, но после ответа в силовой стене появилось отверстие, как раз для одного человека. И едва Курт прошел внутрь ограды, за его спиной вновь заиграли всполохи высокого напряжения. Только тогда юноша позволил себе расслабиться. У него оставалось еще четыре часа до окончания назначенного срока.

Глава 6

Двигатели цеппелина работали на удивление ровно, рассекая бешено вращающимися лопастями винтов плотный воздух. Плоская туша дирижабля неумоимо скользила по ночному небу, приближая ягд-команду к цели – небольшому городку аборигенов на другой стороне планеты. По сведениям спутников, подвешенных на разных орбитах, уже почти неделю там наблюдалось необычное скопление шрехтов. Со всех окрестных деревень к горстке глинобитных строений стягивались мужчины. Все – вооруженные до зубов. И самое главное – огнестрельным оружием! Пусть его и было мало, но на этой планете громоздкие кремневые и фитильные ружья неимоверного калибра использовались только для войны. А когда среди толп раскрашенных, с утыканными перьями прическами воинов появились громоздкие серые спины элѐфантов, сомнений ни у кого не осталось: фобосийцы собираются в очередной поход...

Готфрид цу Лансдорф не колебался ни мгновения, когда предложил командованию Крестового Похода свой план операции: точечным ударом уничтожить вуку-вуку, вождей похода и самое главное – жутких животных с рукой вместо носа. После короткого колебания ландмейстер Фобоса одобрил мероприятие, и через сутки полностью укомплектованная и снаряженная группа специального назначения двинулась в путь.

Курт уже не был Грюном, то есть «зеленым», заработав себе новое прозвище Дестроер, что значило – «уничтожитель». Хотя такое название носил класс космических кораблей Тевтонии, а до выхода в космос – обычных морских броненосцев, в отношении к молодому человеку это слово имело именно первоначальный смысл. Как правило, после встречи с лейтенантом живых чернокожих не оставалось. Иногда даже коллеги по подразделению пеняли ему за излишнюю, по их мнению, жестокость к коренным шрехтам планеты. Но фон Вальдхайм никак не мог пересилить себя: при виде фобосийца у него перед глазами вставала жуткая трапеза людоедов в погибшем форте...

В отсеке щелкнуло, и алый светофильтр всплыл из переборки, меняя цвет масляного светильника, горящего в блоке, солдаты поднялись со своих мест, в последний раз проверяя снаряжение. Через мгновение в полу открылся квадратный люк, и сам Лансдорф первым шагнул в мрачный проем. Затем сделал шаг в пропасть следующий боец, еще один и еще...

Курт нырнул вниз, и его сразу обдало сыростью – десантирование проходило за кромкой облаков, которые по сравнению с родной планетой всегда располагались намного ниже. В ушах засвистел рассекаемый воздух, и парень дернул кольцо у себя на груди. Мощные пружины рванули в стороны штанги дельтаплана, и через мгновение падение упорядочилось, а затем и прекратилось. Полет стал управляемым. Курт поправил специальные очки и увидел чуть впереди светящиеся зеленым точки. Это флуоресцировали в особом спектре специальные метки, предназначенные именно для таких дел, а также опознавания друг друга в ночном бою.

Ни сами очки, ни какой-либо другой прибор или аппарат на каждом члене команды не имел никаких электрических либо электронных деталей. На горьком опыте пришлось убедиться, что энергию вуку-вуку чувствуют издалека и умудряются высасывать ее отовсюду, заодно и оповещая своих воинов. Так что в случае наличия даже обычного фонарика о внезапности пришлось бы забыть, что означало бы полный провал операции и несомненную гибель спецгруппы. Поэтому все имели обычные автоматы, пистолеты, те самые волшебные штатные ножи, попросту имеющие сверхтонкие лезвия с толщиной острия в одну молекулу, ну и, естественно, гранаты и взрывчатку. Кое-кто из ветеранов мог похвастаться

закрепленным в ножнах за спиной мечом. Но это уже были асы, имеющие за плечами не один год службы. Новички обходились огнестрельным оружием. Впрочем, при случае молодые члены подразделения могли неплохо постоять за себя и с помощью штатного тесака. А физическая подготовка любого гражданина Тевтонии являлась обязательной с того момента, когда человек начинал ходить...

Вальдхайм чуть изменил положение тела, заставив дельтаплан увеличить скорость, чтобы догнать основную группу, десантировавшуюся раньше. Шестым чувством уловил, как над головой проскользнула туша цеппелина, идущего на сжатом воздухе, поскольку двигатели, как и все другое оборудование на его борту, было заглушено в целях скрытности. Наконец Курт занял свое место в строю сослуживцев, послушно следуя за командиром. На эту операцию ягд-команда вышла в полном составе, все двадцать шесть человек.

Лансдорф чуть помахал светящейся перчаткой в воздухе, и клин послушно изменил курс. Того, что свет заметят с поверхности, можно было не опасаться. Обычным глазом его не было видно. Только через хитрые очки с поляризованными стеклами, имевшиеся у каждого члена команды. Через мгновение Курт уловил восходящий поток и восхитился чутьем командира – тот хотел облететь поселение, чтобы выяснить обстановку внизу.

А там расположилось стойбище. Впрочем, даже поселения аборигенов на Тевтонии были чище и больше этой кучки глинобитных сараев. Узкие, хаотично извивающиеся улочки, загаженные экскрементами аборигенов и животных. Сотни костров, возле которых потрясали копьями и ружьями фобосийцы. Кое-где виднелись толстые коротконогие фигуры, ритмично подпрыгивающие в воздух под гулкие звуки больших барабанов.

Отдельно на площади на сооруженном наспех возвышении в большой круг собрались вуку-вуку, местные колдуны, которых легко можно было узнать по совсем уж неимоверной толщине и почтению, которое им оказывали окружающие. Рука тевтона сама потянулась к поясной сумке со взрывчаткой. Еще бы – ее содержимого хватит, чтобы от всего скопища сараев не осталось ничего, но... Готфрид, словно прочитав мысли парня, не оборачиваясь, показал за спиной кулак.

Вот командир вновь помахал перчаткой, и дельтапланы послушно пошли на снижение немного в стороне от городка, прямо на вершину небольшой горы. Спутники обнаружили там достаточно просторную площадку, где можно было организовать временную базу.

Под ногами хрустнули мелкие камешки, несколько шагов пробежки, чтобы погасить скорость, тут же сбросить дельтаплан, быстро его сложить, затем сменить предыдущего бойца, который в этот момент охраняет остальных с оружием на изготовку. Тихий щелчок языком – пора!

Все собрались в круг возле командира. Генерал-фельдмаршал быстро осмотрел всех, затем подтвердил цели каждого бойца. Изменений в разработанном на базе плане не было. Чернокожие слишком неторопливы и ленивы, чтобы что-то изменилось в их дислокации за четыре часа с момента последней передачи данных со спутника. Тросы взметнулись в воздух, и через мгновение по ним заскользили солдаты, спеша вниз, на землю.

Две мили до выбранной заранее точки бегом, вытянувшись цепочкой. Вот и городок, раскинувшийся в долине. По-прежнему ярко пылают костры, но это – ерунда. Еще час-полтора, и вскоре останутся только часовые, да и то не везде. Основная толпа местных обитателей завалится спать...

Время тянулось медленно, но бойцы этого не замечали. Глаза автоматически фиксировали подступы к заранее распределенным целям, пути отхода, караулы и случайных прохожих. Все были готовы к бою, но предосторожность и осмотрительность еще никогда не вредили, если ты собираешься жить и после боя.

Наконец шум собравшейся толпы и равномерный гул барабанов начали стихать. Пере- стали скакать возле затухающих костров прыгуны, кое-где на расстеленных ковриках, спле-

тенных из травы, уже вытянулись несуразные нескладные фигуры, погружившись в сон, подстегнутый местным алкоголем. Наконец, выждав еще тридцать минут, Готфрид поднял руку, сжатую в кулак, и одетые в маскировочные хаки фигуры призраками бесшумно заскользили к городку...

Миновать цепь охранения оказалось до изумления легко. Черные были заняты не несением службы, а, собравшись в кучки, яростно жестикулируя, вели оживленные беседы на своем мяукающем наречии. Иногда Курт даже улавливал так запомнившееся ему слово «мганга». Тогда его глаза прищуривались еще больше, а руки крепче стискивали автомат.

Внезапно навстречу ему вышла парочка воинов с копьями в руках, и он едва успел распластаться в траве и откатиться в сторону от их ног. Негеры прошли совсем рядом, едва не наступив на тевтона, оживленно разговаривая между собой. Переведя дух и успокоив зазвеневшие от напряжения нервы, юноша двинулся дальше. Оставалось совсем немного, еще пара домов, и он достигнет своей цели – местного арсенала с запасом пороха для ружей.

На удивление, часовые возле него не спали. Впрочем, это ерунда. Нашупав в нагрудном кармане небольшую трубочку, Вальдхайм вытащил ее из держателя, вставил в отверстие крошечный оперенный дротик, затем приложил к губам и дунул. Один из охранников схватился рукой за шею, удивленно посмотрел на оказавшуюся в руке иглу с тонкой нитью у конца и тут же, закатив бессмысленные глаза, рухнул на землю, прямо лицом в чье-то свежее дерьмо. Через несколько секунд также упокоились и остальные четверо охранников.

Курт аккуратно убрал духовую трубку и, пригнувшись, метнулся к складу. Только оказавшись в тени крыши, парень замедлился, и его движения утратили стремительность, вновь став обычными. Быстро, но без лишней суеты отточенными сотнями раз движениями извлек квадраты пластиковых мин и установил их вдоль стен. Это были так называемые «стеклянные» мины – противопехотные. Теперь настал черед фугасных.

Они были больше по габаритам и хранились в ранце за спиной. Сбросив его с плеч, Курт пролез внутрь арсенала, аккуратно раздвинув кое-как связанные веревками жерди, переплетенные еще зачем-то и широкими листьями.

Изнутри туземное сооружение впечатляло. Большие деревянные бочки, выдолбленные из цельных стволов, до краев засыпанные черным порохом. Груды пустотелых тыкв, в которых хранились запасы огненной смеси другого сорта, более тонкого помола, для запальных кремней. Плетенные из веток корзины с пулями и дробью. Ухмыльнувшись, тевтон аккуратно разложил по намеченным местам фугасы, затем активировал механические запалы.

Время пошло. Настала пора пробираться к месту встречи, туда, где спрятано тяжелое оружие взвода – минометы и дальнобойные винтовки крупного калибра. Когда начнется паника, можно будет сильно проредить ряды их командиров. Если, конечно, кто-то из них уцелеет. Сам Лансдорф с двумя ветеранами направился к дому вождей¹¹ и помосту вуку-вуку¹². У них – кислотные мины, самое последнее адское изобретение тевтонских инженеров. Невольно Курта передернуло – он своими глазами видел, что происходит с теми, кто попадает под их разрыв...

Тевтон раздвинул кривые стволы, служившие стенками строения, выглянул – охранники по-прежнему лежали не шевелясь. Через пару минут они встанут и будут продолжать нести службу как ни в чем не бывало, абсолютно забыв о том, что с ними приключилось. Тревогу раньше времени поднимать нельзя. Иначе остальные бойцы не успеют выполнить свои задачи.

Тренированное тело уже приготовилось скользнуть в дыру, когда Курта словно что-то толкнуло – прямо у него под ногами лежало нечто. Глаза сразу подсказали, что это – оружие.

¹¹ Дом вождей – нечто вроде резиденции мэра.

¹² Помост вуку-вуку – отдельная постройка для колдунов племени.

Но какой маленький калибр?! Да и... Ну не могли черномазые, с их уровнем развития науки и техники, создать что-либо подобное. Легкое, удобное... А, черт! Время! Сейчас шрехты очухаются!.. Он едва успел скрыться в кустах, как первый часовой почесываясь, словно пьяный, начал подниматься, размазывая экскременты по лицу. Ерунда. Не успеет сообразить, что к чему. А Курту надо выбирать. Его находка дорогого стоит...

К условленному месту встречи лейтенант успел вовремя. Не первый и не последний. Крайней оказалась группа Лансдорфа. Но и задание себе командир выбрал самое сложное. Вновь все собрались в круг, кроме двух бойцов, которые охраняли место сбора. Раскрытая ладонь требовала доклада. Двадцать три кулака были ответом. Все полностью выполнили поставленные перед ними задачи. Готфрид взглянул на часы, затем дважды растопырил ладонь. Десять минут до начала.

Курт на мгновение заколебался: стоит доложить сейчас или все же после завершения операции? Наконец решился, сбросил со спины рюкзак, вытащил трофей и протянул генерал-фельдмаршалу. Тот вздрогнул, когда рассмотрел то, что ему вручили. Несколько мгновений колебался: менять ли ход операции, но решил оставить все как есть. Одобрительно хлопнул Вальдхайма по плечу, вручил находку Курта одному из часовых, затем вернулся на гребень холма и устроился за громадиной дальнобойного «Штурма».

Курт также поспешил к своему напарнику, которому должен будет подавать обоймы для винтовки. Улегся и едва успел извлечь из подсумка первую обойму, как внизу грохнуло! Земля словно вспыхнула, вспоротая пламенем детонации чистейшего тарунтина. В небо взлетели обломки дерева, куски глины и размолотые в щебень камни. Порох из арсенала, поднятый и взбитый в мелкую взвесь, сыграл роль объемного заряда, почти мгновенно превративший все живое в мертвый студень. Негеры испарялись в огне, заживо сгорали в кислотных облаках, почти мгновенно обугливаясь до костей. Среди их воинов вспыхнула паника, усугубленная тевтонским минометом, поведшим беглую стрельбу шариковыми и стеклянными минами. Выживших после применения подобных боеприпасов не бывало никогда.

Гулко, перекрывая истошные вопли внизу, ударил первый выстрел снайперской винтовки, второй. Затем, перекрывая буханье миномета, оружие заговорило частым темпом, словно стрелки пытались перегнать друг друга по количеству выпущенных патронов. Но так казалось только со стороны – ни одна пуля опытных солдат не пропадала зря. Громадные, начиненные взрывчаткой стальные стрелы прошивали по нескольку тел насквозь, взрываясь при застревании в кости или в теле последней жертвы. Мощности боеголовки хватало, чтобы разорвать негера на куски.

Курт едва успевал подавать стрелку новые обоймы, а тот спешил увеличить счет убитых. Наконец, выругавшись, напарник отвалился от ствола. Вначале Вальдхайм не понял, почему, потом сообразил: ствол накалился до такой степени, что марево от нагретого воздуха стало сбивать наводку. Стрельба ведь велась без электроники, дающей поправку, просто на глаз, через обычную мушку с диоптрическими кольцами. Спohватившись, Курт выхватил из сумки баллончик фризера, пшикнул на оружие. Ствол покрылся инеем, который почти мгновенно растаял. Снова струя хладагента, шипение. Наконец винтовка вновь была готова к стрельбе. Напарник отдыхал, прикрыв глаза. Вальдхайм толкнул его в бок, и через мгновение вновь по ушам ударили выстрелы.

Черные внизу превратились в мечущуюся, сбившуюся в стадо обезумевшую толпу, которую рвали в клочья тяжелые мины. Снайперские винтовки тоже вносили весомую лепту в уменьшение их количества, иногда пробивая целые просеки в массе народа. Вальдхайм, хотя и принимал участие в нескольких операциях, подобного еще не видел. Обычно уничтожали сотню, максимум две шрехтов. А тут – несколько тысяч человек, и нападающих всего двадцать шесть, включая командира...

Внизу вновь полыхнуло, затем послышался трубный рев, и из сплошной стены огня, в которую превратился городок, вырвались громадные сгустки пламени. Издавая истошные гулкие звуки, они ринулись прямо в гущу мечущихся фобосийцев, внося свою лепту в увеличение числа мертвецов. Вначале тевтон не понял, что за невиданный прежде союзник появился вдруг у ягд-команды, и лишь чуть позже сообразил, что это попавшие под взрывы кислотных мин элфранты. Ему вдруг стало невыносимо жалко несчастных животных, ставших жертвами беспощадной войны и людских страстей. Осмелившись, он тронул напарника за плечо, и когда тот, недоумевая от такого грубейшего нарушения всех порядков в подразделении, обернулся, Курт показал на уже не передвигающуюся, а бьющуюся в корчах тушу на земле и кивнул головой. Снайпер, а это был Кугель, прикрыл на мгновение веки, давая сигнал, что понял, и вновь принял к прикладу. Выстрел – и шевелящийся комок огня затих неподвижно. Гауптман тоже любил животных, и заставлять их страдать казалось ему верхом жестокости. Проклятых же шрегов, чернокожих пожирателей себе подобных, он за людей не считал...

Курт стоял на плацу базы в строю со своими товарищами. Ландмейстер Фобоса решил лично прибыть для вручения наград всем членам ягд-команды. Грохотала барабанная дробь, в сопровождении двух полных Братьев Ордена с нашивками комтуров, несущих на скромных подносах коробочки с орденами и медалями, ландмейстер, подойдя к очередному бойцу, поворачивался к одному из сопровождающих, левому или правому, в зависимости от того, чем награждался воин, затем вешал знак ему на грудь. Вот он приблизился к Вальдхайму. Левый или правый?.. Курт не волновался так с момента распределения в Академии. Что ему достанется? Против ожидания губернатор планеты не стал оборачиваться ни к кому из Братьев. Сердце у Курта замерло – неужели обделили?! Но тут ландмейстер вдруг полез в висящую у него на поясе сумочку и извлек оттуда небольшой сверток. Аккуратно его развернул, и юноша чуть не задохнулся от неожиданности: на ладони губернатора лежал орден Черного Креста – высшая награда государства! Очень мало кто мог похвастать таким знаком отличия. Очень мало! Каждый награжденный удостоивался чести иметь право на высеченное в черном граните имя и титул. Камень устанавливался в холле Академии Гроссбурга, высшего военного заведения Новой Тевтонии.

– Во имя Господа нашего, Иисуса Христа и непорочной Девы Марии, лейтнант Курт фон Вальдхайм удостоивается чести Черного Креста и титула барона. Подписано в Гроссбурге, июля пятнадцатого числа в год одна тысяча тридцать шестой от Перехода Гроссмейстером Ордена Братом Конрадом фон Зикингеном собственноручно. Решение утверждено Капитулом Ордена, что подписями и печатями удостоверяется. Формулировка: за раскрытие угрозы Ордену и гражданам Новой Тевтонии...

Сам Крест. Лента на шею. Шпага барона. Свиток, подтверждающий сказанное ландмейстером. Все будто происходило в полусне, настолько это оказалось неожиданностью. От удивления юноша едва не прозевал, когда ландмейстер отступил назад и, придирчиво взглянув, как расположилась награда на груди молодого человека, уже другим тоном, более естественным, произнес:

– Служи честно, служи верно. Во славу Ордена и Пречистой Девы Марии!

Спохватившись, Курт вскинул руку в положенном среди членов ягд-команды приветствии и выпалил:

– Во имя Господа и во славу Его!

Черный Крест... высшая награда Ордена. Она автоматически давала повышение в звании на одну ступень. «То есть я теперь – гауптман? – все еще не мог поверить Курт. – Но за что? Неужели за то, что выжил в форте и смог доложить о тех неизвестных чужаках, а также том, что творили эти черные нелюди? Или за невиданное оружие, на котором, подобно растоптанному жукам, чернели неизвестные письмена? Явно за что-то из этого. Так... Высо-

кие гости удалились. Вон, Лансдорф их провожает. Садятся в машину. Тронулись. Генерал-фельдмаршал возвращается...»

– Вольно! Разойдись!

Через мгновение Вальдхайм оказался в толпе улыбающихся лиц. Его норовили похлопать по плечу, каждый поздравлял с наградой. Юноша растерялся, да что же это? Почему? Другие сделали не меньше, даже больше. Тем более что он все-таки проштрафился перед Святой Инквизицией... Но тут перед ним вырос Готфрид и рявкнул:

– Гауптман! Быстро – заповедь тридцать четыре устава Ордена!

Вытянувшись по стойке смирно, Курт затараторил строки, намертво вбитые в память еще с гимназии:

– В Ковчег Завета были положены розга и манна небесная, что означает для нас, что судьям должно применять и то, и другое: одно кротко призывает к милосердию, другое справедливо требует строгости. Поэтому Мастер, который поставлен над всеми и должен сам подавать всем Братьям хороший пример, должен и порицать непокорных, и принимать больных, и должен ободрять павших духом, и быть мягким и терпеливым со всеми, и должен нести в руках своих розгу и посох, согласно словам пророка; розгу бдительности, с помощью которой, денно и нощно следя за вверенным ему стадом, он милостиво освобождает ленивых от смертельного сна лености и пренебрежения священными ритуалами, усердно и справедливо пресекает любое неповиновение; посох же олицетворяет отеческую заботу и сострадание, коим должен он поддерживать морально неустойчивых и укреплять малодушных и разбитых печалью, дабы они, неободренные, не были побеждены отчаянием...

– Понял?

Щеки заалели, словно у девушки. Курт понял, на что намекает генерал-фельдмаршал.

– Награду ты получил заслуженно. А вот звание – авансом. Так что помни устав Ордена. Помни долг. И – блюди честь Брата. – Командир перевел дух и добавил, правда, совсем другим голосом: – Слушай, Дестроер, тебе отпуск полагается. Внеочередной. По статусу Креста. Так что – пакуй свой мешок, парень. Транспорт на Тевтонию отправляется через два часа...

Затем наклонился к самому уху Курта и шепотом, чтобы никто не услышал, процитировал еще одну главу устава Братьев Ордена, о наказании:

– Если Брат словом или делом совершит пустячный проступок, он должен раскрыть это перед начальником своим и исполнить указанное тем, во исправление проступка. За мелкий проступок и наказание должно быть соответствующим, если только эти мелкие проступки не повторяются столь часто, что не остается ничего, кроме как ужесточить наказание. Если же случится, что будет кем-либо открыт проступок, каковой Брат собирался скрыть, должно наказать его более сурово, нежели обычно наказывают за подобный проступок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.